

Е. А. РЫЖОВА

Архитектоника русской агиографии: композиционный эпизод «выбор места основания монастыря или храма»

(Мотив «плавание святого» в контексте устной традиции)

«Выбор места основания монастыря или храма» является основным композиционным эпизодом в агиографических памятниках, повествующих о создании монастырей и храмов. Выбор места осуществлялся святым — основателем монастыря и сопровождался божественными знаменьями, подчеркивающими сакральный характер данного события. Знаменья, указывающие на священный локус, в русских житиях разнообразны: это чудесный глас, «вѣлий свѣтъ», восходящий до небес дым, колокольные звоны, иноческое пение, горящая свеча, огненный столп, явление Богородицы, ангела Господня, святых и др.¹ Зачастую они образуют в агиографических текстах комплекс взаимосвязанных сюжетных мотивов.

Одним из значимых мотивов в повествованиях об основании монастырей и храмов, как показывает материал устной и письменной традиции, является «плавание святого».

По нашим наблюдениям, данный мотив в особой мере присущ фольклорной и житийной традиции Русского Севера, поскольку он отражает бытовые реалии и уклад жизни населения Северного края. Плавание по многочисленным рекам и по морю являлось самым распространенным способом перемещения в Северном крае: «Природные особенности Европейского Севера, прежде всего огромные густые леса и непроходимые

---

¹ Более подробно см. об этом: Рыжова Е. А. 1) Топос «Русь — остров Православия» в сочинениях царевича Иоанна Иоанновича // Православие и русская культура о любви к отечеству: Материалы науч.-практической конф. Екатеринбург. 1999. С. 56—59; 2) Сакральная топография Русского Севера: Антониево-Сийский монастырь // Проблемы истории России: На перекрестках эпох и традиций. Екатеринбург. 2003. Вып. 3. С. 225—243; 3) Сюжетный мотив «поставление креста на месте основания монастыря» в агиографической традиции Русского Севера // От Средневековья к Новому времени: Сб. статей к 80-летию О. А. Белобровой / Под ред. М. А. Федотовой. М., 2006. С. 37—58; 4) Сюжетный мотив «выбор места для основания монастыря с помощью чудесных знамений» в севернорусской агиографии («глас—свет») // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь / Под ред. С. А. Семячко. СПб., 2008. С. 422—440; *Руда Т. Р.* 1) Средневековая агиографическая топика: (Принципы *imitatio* и проблемы типологии) // Литература, культура и фольклор славянских народов: XIII Междунар. съезд славистов (Люблина, август 2003): Докл. российской делегации / Отв. ред. Л. И. Сазонова. М., 2003. С. 40—55; 2) «Яко с голп непоколебим»: (Об одном агиографическом топосе) // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 211—227; 3) Топика русских житий: (Вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Polemika / Отв. ред. С. А. Семячко. СПб., 2005. С. 59—101; 4) О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 431—500; и др.

болота, и как следствие отсутствие сухопутных дорог, определили единственно возможный способ передвижения колонистов — по рекам и озерам».² Северные монастыри и храмы традиционно возводились на берегах рек. Известны также островные монастыри Русского Севера, либо окруженные водой со всех сторон, либо соединенные с сушей только узким перешейком: Соловецкий («Слышавъ же от живущихъ ту о *островѣ, рекомомъ Соловки*, въ морѣ окиана сказовашеся, отстоятъ же от земля, яко два дни шествия имаше...»),³ Кирилло-Белозерский («Мѣсто убо мало и кругло, но зѣло красно, всюду, яко стѣною, окружено водами»),⁴ Антониево-Сийский («Бяше же святая сия обитель устроена от миру далече, на диком лѣсу, посреде многих вод, за пять поприщ или болѣ отстояние имат от мирскихъ пребывании, водами всюду огражено, яко и келиам на водахъ стояти ... яко монастырю сему преподобнаго промеж устии стояти реки сея, Сии глаголемыя, на малом сем островку...»),⁵ монастырь Корнилия Палеостровского («Название Палей, по словам окрестных жителей, дано *острову* потому, что около его ловится много рыбы палыи, почему называют его и Палиным ... остров называется отоком или Палеотоком. Слово оток, или отекать, обтекать, окружать что-то со всех сторон течением, старинное, славянское, употреблявшееся и употребляющееся и теперь еще в областных русских наречиях ... в смысле остров и даже полуостров, извилина, залив...»),⁶ Кирилла Новозерского («...видѣвъ на восточнѣй странѣ посреди озера островъ древесы велми украшен, и с того острова, идѣже нынѣ монастырь стоитъ...»),⁷ Мартирия Зеленецкого («Мѣсто же то бяше, аки *нѣкий остров*, непроходимо. округъ его блатами, аки морем, окружено»),⁸ Лазаря Муромского («...да будет отселе *остров, имянуемый Мучь*,

² Слепцова И. С. Очерк истории заселения Северного Белозерья // Духовная культура Северного Беломорья: Этнодиалектный словарь. М., 1997. С. 11. «Для средневекового путешественника территория Севера — „блата и дебри непроходнии“. Сухопутные дороги большой протяженности появились здесь лишь в XVI веке, но все равно плыть по воде или ездить по санному зимнику было несравненно более удобно и быстро, чем покрывать расстояния верхом либо на колесном транспорте» (Макаров Н. А. Русский Север: Таинственная средневековье. М., 1993. С. 38).

³ Житие Зосимы и Савватия Соловецких. Первоначальная редакция (РГБ, собр. ОИДР, ф. 205, № 192, XVI в., перв. треть, л. 249 об.). Цит. по: Минева С. В. Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI—XVIII вв.): В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 10 (здесь и далее курсив мой. — Е. Р.).

⁴ Житие Кирилла Белозерского / Подгот. текста Е. Г. Водолазкина, пер., коммент. Е. Г. Водолазкина, Г. М. Прохорова // БЛДР. СПб., 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. С. 150.

⁵ Житие Антония Сийского. Редакция инока Ионы (БАН, Архангельское собр., Д., № 250, XVI в., л. 140—141). Цит. по: Рыжова Е. А. Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского: Книжные центры Русского Севера. Сыктывкар, 2000. С. 276.

⁶ *Никодим, архим.* Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники: Исторические сведения о церковном и государственном их почитании. Петрозаводск, 1904. С. 73, сн. 16.

⁷ Житие Кирилла Новозерского. Основная редакция (вариант с чудом об Иване Грозном в Первой редакции) (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 66/1305, XVII в., л. 49 об.—50). Цит. по: Житие Кирилла Новозерского: Текст и словоуказатель / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2003. С. 43. См. также: Житие Кирилла Новозерского / Подгот. текста, пер., коммент. Т. Б. Карбасовой // БЛДР. Т. 13: XVI век. СПб., 2005. С. 354—416.

⁸ Житие Мартирия Зеленецкого. Первая редакция (РНБ, Софийское собр., № 1403, XVII в., кон.). Цит. по: Крушельницкая Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе: (Жития Филиппа Ирапского, Герасима Болдинского, Мартирия Зеленецкого, Сказание Елеазара об Анзерском ските): Исследование и тексты. СПб., 1996. С. 312—313.

и озеро Мурмо Пречистые Богородицы на поставление монастыреви, на сожительство сподругу нашему иноку Лазарю твоей области, части и жребии...»),⁹ Ондрусова пустынь («Олонецкой губернии, Олонецкого уезда, в 22 верстах к западу от г. Олонца, в небольшой губе восточной стороны Ладожского озера, на ровном каменистом полуострове, который, при повышении воды в озере, принимает вид острова»),¹⁰ Коневский («...принесе насад блаженнаго Арсения паки ко острову Коневскому»),¹¹ обитель Никифора Важеозерского («Монастырь стоит посреди езера на острове, не в дальнем расстоянии от берега»),¹² Иоасафа Каменского («И бѣ видѣние мѣста оногo зело умиленно: *посредѣ езера, зовомаго Кубенскаго, водою, яко стенами, окружено...*»)¹³ и мн. др.¹⁴ Возведение монастырей на острове имело сакральный характер и обладало символическим значением. «Остров, — отмечает Н. М. Терехихин, — являлся не только границей, разделяющей все мировое пространство на поюстороннее и потустороннее, но и центром иного мира. Центральное местоположение острова в системе сакральной географии обусловило превращение его в центр монастырской жизни Русского Севера».¹⁵ Остров предстал своеобразным сакральным центром Северной Фиваиды.¹⁶

Мотив «святой, плывущий в лодке» является сюжетообразующим для многих агиографических повествований Русского Севера. В Житии основателей одного из самых известных и почитаемых монастырей на Русском Севере Зосимы и Савватия Соловецких повествуется о том, как началь-

⁹ Повесть о Муромском острове. Вторая пространная редакция (ГИМ, собр. Уварова, № 542 (Царского, № 408). XVII в.). Цит. по: Барминская Н. Н. Повесть о Муромском острове // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1989. С. 134.

¹⁰ Цит. по: Никодим, архим. Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники. С. 32.

¹¹ Житие Арсения Коневского (РГАДА, собр. Оболенского, ф. 201, № 52, XVII в., 20-е гг., л. 447). Цит. по: Житие преподобного Арсения Коневского чудотворца / Публ., переложение на рус. яз. Н. Н. Ильиной; коммент. А. Г. Боброва, Н. А. Охотиной-Линд; вступ. ст. архим. Назария. СПб., 2002. С. 20. См. также: Житие Арсения Коневского / Подгот. текста Н. А. Охотиной-Линд, пер. А. Г. Боброва, коммент. Н. А. Охотиной-Линд, А. Г. Боброва // БЛДР. Т. 13. С. 154—181.

¹² Барсов Е. Преподобные обонежские пустынножители: Материалы для истории колонизации и культуры Обоньского края // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868—1869 год. Петрозаводск, 1869. Сн. на с. 56.

¹³ Житие Иоасафа Каменского (РНБ. Соловецкое собр., № 227/227, XVII в., сер., л. 18). Цит. по: Прохоров Г. М. Житие Иоасафа Каменского // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 335. На миниатюре, иллюстрирующей географическое положение Спасо-Каменного монастыря, он изображен на острове, окруженном со всех сторон водой (ГИМ, собр. Уварова, № 107, л. 174). Основание севернорусских монастырей на острове нашло отражение и в иконографической традиции. См.: Мильчик М. И. Островные монастыри Русского Севера в иконографии XVI—нач. XVIII в. // Святые и святые земли севернорусских земель. Каргополь, 2002. С. 104—117.

¹⁴ Безусловно, островные монастыри возводились и в других регионах России. См., например, о Столбенском монастыре: «...дошелъ преподобный Нилъ на островъ оный, именуемый Сталобное...» (Житие Нила Столбенского (РНБ, ОСПК, Ф. I. № 144, XVII в., кон., л. 64)).

¹⁵ Терехихин Н. М. Мифология островной культуры Русского Севера // Смерть как феномен культуры: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1994. С. 112.

¹⁶ Там же. С. 114.

ный старец Савватий вместе с Германом приплыл по Белому морю к Соловецкому острову на карбасе: «И по малѣ времени начаста путное шествие творити по морю, сѣдши въ малу ладицу, иже глаголется карбась, и по Божию смотрению плаванію бывшу благополучну, Богу сохраняющу своихъ рабѣ». ¹⁷ В Житии постриженника Соловецкого монастыря Диодора Юрьегорского, воздвигшего около 1626 г. небольшой монастырь на Юрьевой горе в Онежском уезде Архангельской губернии, говорится о появлении святого близ Кенозера «в малой ладеицы». Автор подчеркивает «чудесность» этого события, описывая, как Диодор переплыл «морскую пучину» «благополучно», «без вреда», и это произошло «Божіимъ изволениемъ» после молитвы Диодора, обращенной к Богу. ¹⁸

Плавание святого в житийном повествовании обладает особым смыслом, нередко авторы описывают «водное» появление святого в той или иной местности как божественное произволение, а основание им монастыря на месте остановки корабля или плота — как совершающееся согласно божественному жребию. ¹⁹ В Житии Арсения Коневского, устроителя обители на острове Коневце, повествуется о том, как внезапный сильный ветер приносит насад отплывшего от острова Арсения обратно к Коневцу: «...*Господу Богу и Пресвятей Богородицы тако изволившем: во*

¹⁷ Житие Зосимы и Савватия Соловецких. I Дополненная редакция (РГБ, ф. 113, № 659, XVI в., перв. треть, л. 221). Цит. по: *Минева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI—XVIII вв.). Т. 2. С. 153.

¹⁸ Житие Диодора (Дамиана) Юрьегорского. Первоначальная редакция (БАН, Архангельское собр., Д., № 260, XVII в., посл. четв., л. 115 об.). Во 2-й главе «Повестей о Соловецких пустынножителех», которая является источником для Жития Дамиана Юрьегорского, также звучит мотив божественной помощи святому: «Посемь помысли блаженный отъити на ино мѣсто. Востав убо, помолися, глаголя: „Господи, скажи мне путь, во иже поиду“. И паки: „Настави мя, Господи, на путь твой, якоже ты самъ вѣси“. Тако помолися, сѣде в малый карбась и, Богомъ хранимъ, преплывѣ море, изшедъ на брегъ и вселися близъ реки Онеги» («Повѣсть 2. О преподобнѣмъ отце нашемъ Дамианѣ, како изыде из Соловецкаго монастыря и вселися внутрь острова Соловецкаго, идеже подвизаяся, многія претерпѣ от бѣсовъ мучения, и сподобися видѣти многихъ пустынножителѣхъ и бѣседовати с ними» (РНБ, Соловецкое собр., № 1195/1366, XIX в., л. 21 об.). Цит. по: *Петренко Н. А.* Соловецкий патерик и Повести о соловецких пустынножителех // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 501).

¹⁹ Использование жребия как одного из способов определения места основания храма или монастыря традиционно для церковной практики. В XVII в. именно жребием было определено место для построения Благовещенской церкви в Шенкурском Благовещенском церковном приходе: «Место для построения новой Благовещенской церкви определено было жребием, согласно распоряжению архиепископа Афанасия, приславшего два жребия при грамоте, коей повелевалось: „Жеребья положить на престол, отправить литургию и молебен, пред отпуском коего один из них взять и распечатать, которое место обрящется написано, на том и строить церковь, а остальной жребий, не распечатывая, прислать обратно“. По сему жребию новый храм указано было строить не на городище, на южной стороне за рвом...» (Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894—1896. Т. 2. С. 9—10). В некоторых агиографических произведениях также рассказывается об использовании жребия при выборе места для строительства монастыря. Подобное описание приведено в Житии Варлаама Важского (Житие Варлаама Важского. Основная редакция (РГБ, собр. Ундольского, № 291, XVI в., кон.—XVII в., нач.). Глава «О создании мѣста сего, и о прозорливомъ дарѣ святого, и о пророчествии его о святѣмъ мѣсте семъ», л. 7—8). Более подробно см.: *Рыжова Е. А.* Житие Варлаама Важского (Пинежского) в рукописно-книжной традиции XVI—XIX вв. // Русская агиография. С. 615—647).

едином часѣ принесе насад блаженнаго Арсения паки ко острову Коневско-му».²⁰ На одном из островов в Онежском озере, куда выбросило насад Ионы Клименецкого во время бури, им был основан впоследствии Клименецкий монастырь: «Положенъ обътъ — посвятить себя жизни иноческой, есть ли угодно будетъ Богу сохранить теперь жизнь обыкновенную. Молитва услышана. Лодиа Иоаннова тотчасъ выкинута на подводную луду близъ самага бѣрега острова того, на которомъ мы нынѣ находимся... Иоаннъ слышитъ при семъ чувственно гласъ, невѣдомо чей: „Иоанне. Иоанне! Здѣ подобаеъ тебѣ быти, и братии собрати, и обитель на сожитие иноковъ соорудити, и храмъ Святѣй Троицѣ соградити!».²¹ О божественном предопределении рассказывается в описании путешествия на плоту святого Филиппа, основателя монастыря на реке Ирапке. Единственный список этого описания читается в рукописи 20-х гг. XVII в. РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, ф. 304/1, № 654: «Сѣе жадаеъ преподобный Филиппей Рабъскій ис Соловецково острова. И пошел подлѣ море, взыскаючи себѣ мѣста, и пришед к Выгѣ рекѣ. И речеть Выгѣ рекѣ: „Сотворю плот на тебѣ: куды меня Духъ Господень по тебѣ понесетъ, ту хощу Христа умолити!”. И сядящеса преподобный Филипп на плотѣ, и емля ево тишина, и несет его за Выгѣ реку. И сходя с плота своего с Выгы (*sic!*) реки, и пошелъ в гору, гдѣ ему ангель Господень исповѣдал и благовестил к Леванидову кресту над Лужаном озером: „Туто тебѣ исповѣдатися, Христа умолити”. И створилъ пришествие ко кресту к Леванидову, и начаса Христу молити под крестомъ Леваниодовым (*sic!*) по благовѣствованию ангела Господня. И преклонъ колѣни, и начаса молити Христу. И преидь на преподобнаго Филиппа Ирабъсково мракъ, и явися ему аньгель Господень, и рече ему: „Востани, отче Филиппъ Ирабъскій, сподоблен тебѣ столпъ аньгилы Господни!».²² И явися ему Пречистая со ангелы Господни по благовѣствованию ангела Господня. И возбудився от сна своего. И ужасень бы (*sic!*) от видѣния Пречистой Владычици наша Богородици. И веде его въ столпъ Пречистая Богородица, и поставленъ бысть крестъ Леванидовъ. Ангелы Господни невидима бысть. И благовести ангелом Господним, глагола с небеси: „Не створи исхоженья и-стольпа сего после видѣния Пречистой (*sic!*) Владычици наша Богородицы!».²² Получившее письменную фикса-

²⁰ Житие Арсения Коневского, л. 447.

²¹ Житие Ионы Клименецкого. Сокращенная редакция (ГИМ, собр. Барсова, № 861, XIX в., л. 1 об.—2).

²² РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, ф. 304/1, № 654, л. 58—59 об. XVII в., 20-е гг. Сборник служб и житий. Скоропись и полуустав разных рук. Киноварь в заголовках и инициалах. Переплет — кожа с тиснением, «в сумку», корешок реставрирован. Л. 44а—44г об., 56 об.—57д об., 60 об.—60в об., 73а—73в об., 88 об. — без текста. Записи: 1) на корешке бумажная наклейка с чернильной надписью «1/654»; 2) на верхней крышке переплета бумажная наклейка «Свято-Троицкой Сергиевой Лавры главная библиотека. Печатная опись 1878 и 1879 гг., славянские рукописи», в которую вписан номер 654; эта же наклейка повторяется на внутренней стороне верхней крышки переплета; 3) л. 1, скорописью «Глава 406, зач. 461, № 39»; 4) л. 1 об., скорописью «Княгине Судцкие», дописано другими чернилами «33»; скорописью более позднего времени «1795-го года, № 73»; 5) л. 1, скорописью «Свято-Троицкой Сергиевой Лаврской библиотеки 1856 года». Филигранны: 1) кувшинчик одноручный с литерами на тулове — такой тип имел хождение в 20-е гг. XVII в. (см.: Герасимов А. А. Филигранны XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963); 2) перчатка — знак не атрибутирован; 3) вспрь (?) — знак не ат-

цию предание, наряду со службой святому находящееся в рукописи РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, ф. 304/1, № 654, является наиболее ранним письменным произведением о Филиппе Ирапском. Во всех выявленных в настоящее время списках Жития Филиппа Ирапского различных редакций оно не отражено.²³ И. С. Некрасов охарактеризовал предание как «фантастический рассказ, который, хотя и не имеет исторического значения, хотя и неизвестно, кому он принадлежит, но зато имеет интерес по отношению к языку и истории нашей отреченной литературы...».²⁴ Скорее всего, прав В. О. Ключевский, говоря об устной природе данного произведения. Он считает, что повествование о Филиппе Ирапском напоминает «своим складом духовный стих»,²⁵ и отмечает, что «память о Филиппе Ирапском особенно была распространена в Поморье».²⁶

Агиографические повествования о плавании святых-устроителей монастырей и храмов восходят, на наш взгляд, к многочисленным устным преданиям о выборе местности, основанным на особой семантике воды.²⁷ В традиционной народной культуре вода наделена сакральной функцией. Согласно народной космогонии, вода «со всех сторон обтекает, покоит на себе землю».²⁸ Представая в разнообразных состояниях — вода рек, озер, дождевая, ключевая, — она играет, как отмечает М. Н. Власова, особую

рибутирован: 4) готическая буква R — знак не атрибутирован. Содержит: л. 1—44 об. — Служба и Житие Никона Радонежского: л. 45—57 об. — Служба на обретение мошей Филиппа Ирапского: «Месяца мая 18. Обретение мощем преподобнаго отца нашего Филиппа чудотворца Рабьского»; л. 59 об. — Предание о Филиппе Ирапском. Без названия, нач.: «Съе жадаеть преподобный Филиппей Рабьский ись Соловецьково острова...»: л. 59 об.—60 — Чудо исцеления инока явлением Филиппа Ирапского; написано полууставом другого почерка, нежели Служба святому и предание; л. 61—73 об. — Служба семи отрокам эфесским; л. 74—88 — Сказание о явлении мошей Иакова Боровицкого.

²³ Этот список оказался неучтенным в текстологической концепции Е. В. Крушельницкой, исследовавшей данный памятник. См.: *Крушельницкая Е. В.* Автобиография и житие в древнерусской литературе. С. 7—48, 179—209.

²⁴ *Некрасов И. С.* Зарождение национальной литературы в Северной Руси: (О первичных редакциях жизнеописаний подвижников Северной Руси XV, XVI и XVII веков). Одесса, 1870. Ч. 1. С. 49 (здесь же опубликован текст предания).

²⁵ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1971. С. 274—275, примеч. 2.

²⁶ Там же. С. 274. Обычай водружать памятные кресты известен еще со времен Древней Руси. Этот обычай засвидетельствован и в былинных песнях, где поется о «чудном кресте Леванидовом»: «...по некоторым данным можно судить, что крест этот очень высок» (см.: *Протт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 1946. С. 152 и след.). Образ-символ «Леванидов крест» является общим местом севернорусской былинной поэзии. См. словарные статьи «Леванидов крест», «Деванделидов крест», «Мендалидов крест», «Левантинов крест», «Леванидин крест», «Левинов крест» в публикации: *Бобунова М. А., Храпенко А. Т.* Словарь языка русского фольклора: Лексика былинных текстов (пробный выпуск). Курск, 1999. С. 66.

²⁷ Н. А. Криничная полагает, что «версия выбора места для поселения посредством языческого обряда заключена в преданиях о выборе места для сооружения культового объекта, осмысляемого как символ освоения края. Сюжетообразующий мотив этих преданий, все более впитывая реалии, связанные с христианской обрядностью, проникает не только в другие циклы, но и в другие жанры, прежде всего в легенду и далее в житийную литературу» (*Криничная Н. А.* Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987. С. 48). Исследовательница не приводит примеров подобного проникновения в агиографическую литературу.

²⁸ *Власова М. Н.* Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб., 2000. С. 582.

роль «и в повседневном быту крестьян XIX—XX вв., и в больших календарных праздниках, обрядах».²⁹ В похоронной, свадебной и родильной поэзии изменение статуса человека получило «одинаковое символическое выражение как переход через воду (реку, море) или гибели в ней».³⁰ По поверьям, «именно водной дорогой умершие отправляются в свои расположенные за морем жилища...».³¹ Повсеместно считалось, что «через проточную воду могла осуществляться связь с иным миром».³² Само понятие «потусторонний мир», по словам М. М. Маковского, первоначально имело значение «относящийся к воде» или «находящийся за водой / рекой».³³ Не случайно поэтому «устойчивое соотнесение с водой сокровенных ... объектов...».³⁴

Очевидно также, как считает А. А. Панченко, что «ритуально-мифологическая символика приплывания и уплывания состоит в подчеркивании „потустороннего“ (и в т. ч. сакрального) статуса приплывающего (уплывающего) предмета или существа».³⁵ Особой символикой наполнены в традиционной культуре образы ладьи или корабля: они воспринимаются как средство перемещения в иной мир.³⁶ В русском эпосе корабль «имеет те же функции, что и во всем мировом фольклоре, и во всей мифологии. Корабль — средство перемещения в другой мир, прежде всего в царство смерти».³⁷ Сюжет «плавание на корабле» особо распространен в новгородских былинах.³⁸ Он является значимым в былинных текстах о Садко и Василии Буслаеве, поскольку основные персонажи новгородского былинного цикла Садко и Василий Буслаевич «„пограничны“», т. е. способны оказаться в позиции между жизнью и смертью, существовать на границе между поту- и посюсторонним миром вне ситуации богатырского единоборства».³⁹ Сюжеты новгородских былин — это «движение к смерти или прохождение через смерть. Побунтовав в Новгороде, Василий садится на корабль и плывет в Иерусалим. Иерусалим в былине, как и в духовном стихе о Голубиной книге, — центр потустороннего мира, средоточие сакральности, в нем древо-кипарис, камень-Алатырь, река-Иордань. Путь туда для Василия оказывается путем к смерти. Корабельщик Садко спус-

²⁹ Там же.

³⁰ *Ерелина В. И.* Ритуал и фольклор. Л., 1991. С. 149.

³¹ *Власова М. Н.* Русские суеверия. С. 582.

³² *Виноградова Л. Н.* Вода // *Славянская мифология: Энциклопедический словарь.* М., 1995. С. 96.

³³ *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира, миры образов. М., 1996. С. 77.

³⁴ *Криничная Н. А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004. С. 754.

³⁵ *Панченко А. А.* Исследования в области народного православия: Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998. С. 135.

³⁶ *Анучин Д. П.* Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда // *Древности: Труды Императорского Московского археологического общества.* М., 1890. Т. 14. С. 81—226.

³⁷ См.: *Плюханова М. Б.* О национальных средствах самоопределения личности: Само-сакрализация, самосоужение, плавание на корабле // *Из истории русской культуры.* Т. 3: (XVII—нач. XVIII века). М., 1996. С. 444.

³⁸ См. издание текстов былин: *Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов. В. Г. Смолицкий.* М., 1978 (Сер. «Литературные памятники»).

³⁹ *Плюханова М. Б.* О национальных средствах самоопределения личности. С. 445.

кается со своего корабля на дно морское — в волшебный потусторонний мир».⁴⁰

Символика плавания имеет важное значение в устных преданиях об основании селений и храмов. Н. А. Криничная называет четыре разновидности преданий с мотивом выбора места для поселения: 1) предания об основании храма на месте языческих капищ; 2) предания, рассказывающие о появлении коня в обряде определения места для сооружения храма; 3) предания о сооружении церквей, в которых в качестве жребия выступает пущенный по реке строевой лес; 4) в преданиях присутствует икона — атрибут христианской обрядности.⁴¹ Из отмеченных разновидностей преданий наибольшего внимания заслуживают третья и четвертая, в основе которых лежит мотив жребия. В севернорусской устной традиции обращается множество текстов о построении церкви или храма на месте останковки бревна или строевого леса, а также плота или лодки. Они имеют универсальный характер и широко бытуют в народной исторической прозе.⁴² Специфика группы преданий о сооружении церквей, в которых в качестве жребия выступает строевой лес, определяется «условиями бытования ... обряда в прибрежных селениях озерного края».⁴³ Н. А. Криничная останавливается на определенных мотивах, из которых слагаются разные группы подобных преданий: «По одним преданиям, вопрос о месте для церкви вначале обсуждается самими жителями. Так, судя по карельскому преданию об основании сяозерских церквей, обряд выбора места для их сооружения совершается следующим образом: население соседних дере-

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Криничная Н. А. Русская народная историческая проза. С. 48—52.

⁴² В традиционной народной культуре многих народов существовал обычай строить храмы на месте останковки плывущего бревна: «Многие церкви, с основания которых начинались поселения, строились на местах, куда приплывало спущенное в реку бревно (древний обычай — жребий, известный народам Северной Европы), или заменяли собой часовни, построенные по обещанию» (*Бернштам Т. А.* Русская народная культура Поморья в XIX—начале XX в.: Этнографические очерки. Л., 1983. С. 182). Говоря об универсальности данного мотива, Н. А. Криничная находит параллели к нему в средневековых памятниках соседних с поморами народов. В древнеисландской «Книге о заселении страны» в саге о норвежце Ингольве Арнорсоне из Дарлсфьорда — первом поселенце в Исландии, сообщающей о событиях IX в., говорится, что «перед отъездом из Норвегии в незаселенную тогда Исландию Ингольв Арнорсон совершает жертвоприношение; отправляясь в путь, он берет с собой священные столбы с вырезанным на них изображением Тора — бога грома и молнии, стоявшие у его дома у почетного сиденья; подплывая к берегам Исландии, Ингольв бросает их в море; только через два с лишним года рабы Ингольва находят брошенные им в море священные столбы; местность, куда их прибило водой, становится местом поселения Ингольва (и местом основания нынешней столицы Исландии — Рейкьявика, в гербе которого изображены священные столбы); Ингольв устанавливает их в своем новом жилище» (*Криничная Н. А.* Русская народная историческая проза. С. 43—44). Подобный мотив есть и в шведских источниках. «судя по которым сигтунци, уцелевшие при разгроме Сигтуны в 1187 г., соблюдая древний обычай викингов, пустили бревно по озеру Меларен с намерением поселиться там, где его прибьет волнами. Бревно пригнало к скалистому острову. Так был основан Стокгольм; в самом названии города зафиксировано воспоминание о древнем обряде определения места для поселения: первая часть топонима (Stock) означает „бревно“, вторая (holm) — „остров“» (Там же. С. 44). Этот же мотив зафиксирован и в XIII в. в саге о людях из Лаксадала (*Исландские саги / Ред., вступ. ст., примеч. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1956. С. 257.*)

⁴³ Криничная Н. А. Русская народная историческая проза. С. 51.

вень собирается на сходку; там выбирают из своей среды „благочестивых и добросовестных людей“; выборные приходят на берег, где стоит строевой лес; они вырубают „двести концов“ и связывают их в один плот; этот плот с молитвой спускают в озеро, предоставляя его воле волн; место, куда принесет водой плот, считается предназначенным для храма. По другим, например русским, преданиям, вопрос о месте закладки церкви решается стихийно: предназначенный для строительства лес внезапно отплывает, иногда трижды; на том месте, преимущественно на мысу, где лес пристаёт, воздвигается храм».⁴⁴ Итак, основополагающим в устных преданиях о выборе места для построения храма или часовни на месте остановки строевого леса, а также плота или лодки является мотив жребия, который можно выразить следующим образом: *«Где пристанет, тут и церковь строить будут»*. Таковы, например, предания «О выборе места для строительства Саминской Ильинской церкви» (пустили по реке три дерева); «Построение Ряговской церкви» (пустили по реке дерево); «Построение Водлозерско-Пречистенской церкви» (строевой лес «сам собою отплыл к тому месту, где теперь стоит погост»); ряд преданий «О выборе места для построения Анхимовской Покровской церкви» («...здесь лес рубили. А первое бревно отпустили. — Где бревно остановится, на этом месте будем строить церковь...»); «И как раз вот лес шел сплавом <...>, и как раз остановился лес вот на этом месте, и построили здесь церковь...»; «Выбирали место для Покровской церкви, как будто <...> гнали лес по реке. Где лес пристанет, там и церковь строят, тот лес, из которого церковь строили...»; «Сделали этот выборочный лес, скатали в реку и пустили его на самотек весенней водой и поклялись: — Где лес остановится, на том месте и будем строить эту Покровскую церковь. И так и сделали. Лес остановился как раз против Вытегорского погоста...»)⁴⁵ и др.

На территории Северного края бытуют предания о плавании героев, в агиографической традиции выступающих в качестве основателей монастырей. В устной традиции подобные рассказы связаны с основанием поселений, при этом традиционный для многих преданий мотив плывущей лодки или плота соединяется в этих повествованиях с мотивом плывущего в ней святого. В предании об онежском святом Кирилле, создателе пустыни на Челме-озере, едущий на лодке святой выступает в роли основателя лядинских деревень: *«Ехал Кирилл Челмогорский (монастырь его у нас был) на лодке и вот нашу волость обнаружил, что здесь жило. За двадцать километров, между прочим, он и сам жил; Кирилл Челмогорский как святой считался. Он там проехал по Лекшма-реке, значит, на этой лодке, на челне...»*.⁴⁶ В преданиях, имевших хождение на Ваге, рассказывается о плавании основателя важских храмов и монастырей в XV в. Варлаама Важского. Одно из них приведено в издании XIX в. «Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии»: «В одном из них

⁴⁴ Там же. С. 52.

⁴⁵ Криничная Н. А. 1) Предания Русского Севера. СПб., 1991. № 35. С. 40; № 36. С. 40; № 37. С. 41; № 38. С. 41; № 39. С. 41; № 50. С. 41; 2) Северные предания: (Беломорско-Обонежский регион). Л., 1978. № 16. С. 34.

⁴⁶ Криничная Н. А. Предания Русского Севера. Раздел «Предания о заселении и освоении края». № 12 «Основание лядинских деревень». С. 31.

(в храме Дмитрия Солунского Нижнепуйского прихода. — *Е. Р.*) три престола: главный — во имя Вознесения Господня, освященный в 1873 г., и два придельных в трапезе — Дмитрия Солунского, освященный в 1869 г., и Варлаама Важеского — в 1871 г. Придел в честь Варлаама Важеского устроен, с одной стороны, вследствие глубокого почитания, какое местные жители оказывали этому угоднику с давних пор, и, с другой стороны — вследствие того, что, как гласит устное предание, преподобный, *плыв по р. Пуе*, отдыхал на месте нахождения нынешних храмов и имел намерение даже поселиться здесь, но тогдашние жители не согласились на это, так что он должен был спуститься ниже по течению реки Пуи». ⁴⁷ Святой Стефан Пермский появляется в Пермском крае, согласно тексту преданий о миссионере, путешествуя по воде на ладьях («Ехал он (Стефан Пермский. — *Е. Р.*) на ладьях, подымались до Усть-Выма. Яренск осваивали все это. Он же святой...») ⁴⁸ и даже, сообразно с новыми историческими реалиями, на пароходе («Тут был, проплывал по Выми Стефан Пермский из Перми, он был какой-то предводитель в Коми области. <...> И вот этот Стефан Пермский поднялся до верховьев Емвы, и когда он стал спускаться на пароходе...») ⁴⁹

Важным мотивом в преданиях о выборе местности, по нашим наблюдениям, является «*плавание против течения*».

До сих пор широкое хождение имеет обряд «пускания по воде», т. е. вниз по течению вышедших из употребления предметов. Это обрядовое действие «осмыслялось зачастую как способ их „погребения” в чистой и святой стихии»: «На воду пускались сакральные предметы — иконы, старые богослужебные книги, высохшие просфоры, вербовые ветки, освященные в Вербное воскресенье, остатки освященной пасхальной пищи и т. п. Тем же способом избавлялись обычно от остатков ритуальных предметов, обрядовой трапезы..., а также от большинства предметов, бывших в соприкосновении с покойным». ⁵⁰

Плавание против течения в традиционной культуре осмыслялось как показатель магической, сверхъестественной способности, присущей героям или предметам. Именно плавание против течения выделяет обладающую магической силой разрыв-траву: для этого собирают всю скошенную при последнем взмахе косы траву и бросают в воду, и чудесное растение обнаруживается тотчас же: «оно *плывет вверх по течению*, тогда как обычная зелень, естественно, — вниз». ⁵¹ Плавание против течения обозначает сакральность героев преданий в историческом фольклоре: существует

⁴⁷ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Т. 2. С. 66.

⁴⁸ Историческая память в устных преданиях коми: Материалы / Сост., подгот. текстов М. А. Анкудиновой, В. В. Филипповой. Сыктывкар, 2005. № 128. С. 74.

⁴⁹ Там же. № 129. С. 75.

⁵⁰ *Агапкина Т. А.* Пускать по воде // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. С. 328. Существовал старинный русский обычай, согласно которому обветшавшую икону не выбрасывали, а пускали по воде или зарывали на кладбище (см.: *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 185). По преданиям угров, одна из душ человека уходит вниз по реке: она так и называется: «уходящая вниз по реке душа». См. об этом: *Еремичева В. И.* Ритуал и фольклор. С. 149.

⁵¹ *Криничная Н. А.* Русская мифология. С. 608.

предание, согласно которому пугачевцы плыли вверх по течению Камы.⁵² Известно устное предание о новгородском языческом идоле змеяке-Перуне, в котором сброшенный в реку языческий идол плывет против течения. В этом предании объясняется возникновение топонима «Перынский скит»: «Был Зверь-змяка, этот Зверь-змяка жил на этом самом месте, вот где теперь скит святой стоит, Перунской. <...> Перешел змяка жить в самый Новгород <...> Новгород крестился. Черту с Богом не жить: Новый город схватил змяку Перюна да и бросил в Волхов. Черт силен: *поплыл не вниз по реке, а в гору* — к Ильмень-озеру; подплыл к старому своему жилью — да и на берег! Володимер-князь велел на том месте церковь рубить, а дьявола опять в воду. Срубили церковь: Перюну и ходу нет! Оттого эта церковь назвалась Перюньскою; да и скит тоже Перюньский».⁵³ В новгородских летописях, в которых под 6496 г. и 6497 г. также рассказывается о низвержении языческого идола Перуна, ничего не сообщается о плавании против течения.⁵⁴

Типичным топосом устных преданий об основании селений выступает *плывущая против течения лодка*.

Схожий мотив отмечается в предании об основании старообрядческого центра Качема на Северной Двине: «Когда в Новгороде было гонение на христиан, две семьи — Саввы и Бориса — взяли с собой колокол (такой, что потом на Мучи было слышно, как звонят) и поехали на

⁵² См.: Плюханова М. Б. О национальных средствах самоопределения личности. С. 447.

⁵³ См.: Народная проза / Сост., вступ. ст., подгот. текстов, коммент. С. Н. Азбелева // Библиотека русского фольклора. Л., 1972. Т. 12. С. 48. «Свержение Перуна в Новгороде». Перынский скит при новгородском Юрьевом монастыре находился в 4 верстах от Новгорода при самом истоке Волхова. Он расположен на высоком холме, на котором, по преданию, стоял во времена язычества идол Перун. Когда с введением христианства этот идол был низвергнут, то первый новгородский епископ Иоаким Корсунянин в 995 г. на этом месте устроил церковь во имя рождества Богородицы, возле которой вскоре возник Перынский монастырь (Православные русские обители: Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. СПб., 1910. С. 145).

⁵⁴ См.: Новгородская I летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 548, 551. См. также рассказ о сокрушении идола Оредия Ладо с волховского моста в Житии северного миссионера Варнавы Ветлужского: «Егда той премудрый великий монарх Владимир позна единого истиннаго во Троицъ славимаго Бога и бѣсовския прелести избысть, идоловъ скверныя сокрушая и в прах обращаая, — в то время бысть в Великом Новѣградѣ идол, издревле содѣланный, именуемый Оредий Ладо. И вси людие Новаграда тому идолу велию честь воздающе, аки Богу. Егда же приидоша от великаго князя Владимира посланнии въ Великий Новѣградъ сокрушити того сквернаго идола, тогда взяша его и, привязавше его ужем за нозе, и повлекоша его из града на великий мость, иже протяженъ чрезу великую реку Волхов. И путем влекуща, биюще его палицами дубовыми. Оле, чудо тогда сотворися! Дяволь, живый в том идолъ, не стерпя срама своего, горким воплем кричаше: „О горе, горь! Что сотворю нынѣ? Сии людие многа лѣта и недавно мене почитали и поклонялися мнѣ, а нынѣ ругаюшеся и биютъ мя. Вѣдаю нынѣ, яко Сынъ Божий Иисусъ Христосъ побѣдилъ насъ, злыхъ духовъ нечистыхъ. Самъ онъ хошетъ здѣ жити, а насъ изгонити!” Тако идолу биему палицами, а в нем дяволь кричаше. Людие же, видяще толикое бѣса посрамление. Бога вседержителя величаху, сквернаго же того идола проклинаху. Привлекоша же того идола на мость и вергоша с моста в великую реку Волховъ. И погрязе скверный идолъ в водѣ, и утопѣ» (Житие Варнавы Ветлужского (БАН, собр. Текущих пост., № 217, XIX в., л. 3. Данный список представляет собой копию с текста 1639 г.).

лодке. *Лодка шла против течения сама, так что и грести не надо. По Северной Двине тогда поселения были только на Городище и на Красной горке, так они хотели становиться, но лодка не пристала к берегу. Когда доехали до места, где теперь Качем, то лодка уткнулась в берег и ее не могли даже сдвинуть. Там и стали строиться. Оттуда пошло название Савиновское и Борисовское (а потом был Савино-Борисовский сельсовет)».*⁵⁵

В преданиях о выборе места для строительства церквей и храмов Русского Севера архетипический мотив «выбор места с помощью строевого леса» сопровождается мотивом «плавание против течения». Плавание против течения как залог чудесного жребия встречается в предании XIX в. о построении Устькуломской церкви в Усть-сысольском уезде на реке Вычегде: «Когда жители этого селения возымели благочестивое намерение построить храм во имя Спаса-Преображения, то при закладке его, когда уже был нарублен лес, возник между ними спор. Обитатели верхнего конца селения пожелали иметь церковь у себя, жители нижнего конца допустить этого не хотели. После продолжительных споров порешили положиться на волю Божию. Горячо помолившись, опустили устькуломцы в реку несколько бревен и *решили поставить церковь там, где остановятся эти бревна*. По всем вероятностям бревна должны были остановиться в верхнем конце села у заливчика, в который воды Вычегды вливались всегда стремительно, но к общему удивлению бревна пронесло мимо залива и они приплыли к оврагу, куда обыкновенным образом они не могли бы приплыть, потому что против оврага был водоворот и напор волны стремился к противоположному берегу. Подле этого оврага, на высоком берегу Куломы жители построили свою первую церковь».⁵⁶ Схожий мотив обнаруживается в сочинении 1841 г. «Описание Никольского прихода», в котором воспитанник Вологодской духовной семинарии Николай Жаворонков приводит устное предание о постройке Никольской церкви на своей родине в Вельском уезде: «Еще кстати упомянуть и о чудномъ строении Николаевской церкви. Какъ говорит предание, что будто бы лес, приплавленный для строения оной на горе къ речке Волгою, впадающей въ Усюю пониже церковей въ трех верстахъ, ночью *на супротив воды возвращен был к тому месту*, на котором теперь находится церковь святителя Николая».⁵⁷ Семинарист особо отмечает, что «чудное приплавление лесу приписывается святителю Николаю».⁵⁸ В предании о Варлааме Важском сообщается, что святой плывет на плотике против течения: «Об одной деревеньке под Шеговарами говорят: „Варлаамъ преподобный приставал здесь, под Шеговарами, хотел обосноваться. Его не пустили, — что, мол, странник —

⁵⁵ Бобров А. Г. Экспедиция на Северную Двину 1989 г. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 479. См. также: Бобров А. Г. Житие Ксенофонта Робейского в списке пушкинского времени // Пушкин и другие: Сб. ст. к 60-летию проф. С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 262.

⁵⁶ Предание о построении Устькуломской церкви // Вологодская старина: Историко-археологический сборник / Сост. И. К. Степановский. Вологда, 1890. С. 427.

⁵⁷ Сборник сочинений воспитанников Вологодской семинарии (РНБ, Q.XVII, № 231, XIX в. — «Описание Никольского прихода» Н. Жаворонкова, 1841. л. 39--40 об.).

⁵⁸ Там же. л. 40 об.

будет еще здесь! — и не пустили. Он сказал: — Вся деревня сгорит. И точно: вся деревня сгорела — сенокос был, все на сенокосе. Только одна икона уцелела — из дома вылетела”. *Он приплыл на плотике — из двух бревешек, да не вниз, а вверх плыл, против течения*». ⁵⁹

Мотивы божественного жребия и чудесного плавания против течения являются довольно устойчивыми в письменной традиции. Они встречаются в раннем произведении древнерусской литературы — Киево-Печерском патерике. Один из его рассказов (слово 4) посвящен приходу иконописцев из Царьграда к игумену Никону: греческие иконописцы, испугавшись величины церкви, которую им предстояло расписать, решили плыть обратно, однако ладья, вопреки их усилиям, сама шла против течения — «аки нѣкаа сила влечаше». Повиновавшись божественной воле, иконописцы скоро увидели, что их ладья, пройдя огромный путь, сама пристала около Киево-Печерского монастыря. ⁶⁰

Подобные сюжетные мотивы нередко воспроизводятся в агиографической традиции. В «Сказании о чудесах от иконы Спаса Нерукотворного в Кузнецовской слободе на Мезени», созданном вскоре после событий 22 июля 1663 г., особое внимание уделено описанию перенесения домового иконы вологжанина Сергея Григорьева Герасимова с реки Кулой Мезенского края не в Долгую Щелью, как хотел того ее владелец, а в Кузнецову слободу на Мезени. ⁶¹ Лодка вместе с людьми и с иконой плыла по воде против течения, «аки по воздуху»: «...И вси остаха, и вседоша в лодицу, и направиша противу речныя быстрины. И поидоша лодица противу быстрины, аки по воздуху, нарицаемую слободку». При этом автор подчеркивает, что движением лодки управляет чудотворная икона Спаса: «Не людие образ носяще, но образ людей». ⁶² В списке «Сказания» 1777 г., выявленном нами в собрании БАН, 16.15.18, который мы считаем еще одной, более поздней редакцией данного произведения, мотив «плавание против течения» получает новое сюжетное оформление: лодка идет против очень сильного ветра, который после молитвы людей, находящихся с иконой

⁵⁹ Щепанская Т. Б. Кризисная сеть: (Традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 125. Т. А. Бернштам полагает, что в основу народной версии о появлении на нижней Ваге «просветителя чуди Варлаамия» лег бродячий мотив: «...в устной традиции Ваги предания о появлении Варлаама Важского находятся в целом в русле активно бытующих в Двинско-Важском крае устных преданий о первопоселенцах-новгородцах. В устной традиции Важского края к слову „новгородцы“ обычно добавляется эпитет „вольные“: спасаясь от любого „московского“ насилия, они всегда плывут по рекам в поисках безопасного пристанища, которое им указывается чудесным образом: обычно лодка останавливается в определенном месте» (Бернштам Т. А. Локальные группы Двинско-Важского ареала: духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Там же. С. 236).

⁶⁰ Киево-Печерский патерик / Подгот. текста Л. А. Ольшевской, пер. Л. А. Дмитриева, коммент. Л. А. Дмитриева, Л. А. Ольшевской // БЛДР. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 308.

⁶¹ Савельева Н. В. 1) Сказание о чудесах иконы Спаса Нерукотворного в Кузнецовской слободе // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 259--272; 2) Пинежская книжно-рукописная традиция XVI--первой половины XVIII в. и памятники местной литературы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. С. 22.

⁶² «Сказание о чудесах от иконы Спаса Нерукотворного в Кузнецовской слободе на Мезени» цит. по списку 60-х гг. XVII в. (ИРЛИ. Пинежское собр., № 499), который был опубликован в ст.: Савельева Н. В. Сказание о чудесах иконы Спаса Нерукотворного... С. 271.

в лодке, внезапно утихает.⁶³ В Повести о пришествии преподобного Исая Ручьевского в описании чудесного спасения в 1666 г. во время бури промысловика из Зимней Золотицы Феодора Федотова мотив плавания корабля в данном случае против ветра является особым знаком, свидетельствующим о его чудесном избавлении от неминуемой смерти: «*И поиде судно с морской добычей кожей к земли противо вѣтра, аки парусом*».⁶⁴

В агиографической традиции на использовании двух ключевых мотивов — «плавание святого» и «плавание против течения» — нередко строятся рассказы об основании монастырей.

В Житии новгородского святого Антония Римлянина говорится о том, что Антоний плыл из Рима в Великий Новгород на камне и против течения: «И от римския страны по теплому морю несен бысть на камени, из него же в Нево-реку и из Нева — в Нево-езеро, из Нева же езера *вверх по рецѣ Волхову противу быстринь неизреченныхъ* даже и до мѣста сего».⁶⁵ Против течения, согласно тексту Жития, плыл плот с обвиненным в неправедности и изгнанным из Великого Новгорода епископом Иоанном: «Егда же посаженъ бысть святитель Божий Иванъ на плотъ на рецы на Волхове, и *поплове плотъ вверхъ реки и никимже пореваемъ, на немже святыи седяше, противу великия быстрины*, еже есть у Великаго мосту, ко святаго Георгия монастырю».⁶⁶ Как повествуется в Житии святого Ксенофонта Робейского, выбор места для возведения Робейского монастыря происходит чудесным образом.⁶⁷ Святой Ксенофонт, изгнанный из монастыря Варлаама Хутынского, плывет на плоту, однако плот вдруг начинает перемещаться против течения и останавливается в определенном месте на берегу реки Робейки, где некоторое время спустя основывается монастырь: «Блаженный же Ксенофонтъ плыве на томъ плоту внизъ по Волхову, *доплы до реки Робейки, по которой мановениемъ направляемъ бысть противу быстроты водныя до подъгория, идеже плотъ преста*».⁶⁸ Думается, что чтение «мановением», относящееся к чудесному изменению направления плавания Ксенофонта Робейского, является в единственном известном списке Жития Ксенофонта Робейского, скорее всего, неполным. В су-

⁶³ «Сказание о чудесах от иконы Спаса Нерукотворного в Кузнецовской слободе на Мезени» (БАН, 16.15.18, л. 6 об.—7). См. также: Буланин Д. М., Романова А. А., Рыжова Е. А. Сказание о иконе Спаса Нерукотворного в Кузнецовой слободе // Словарь книжников. Вып. 3, ч. 4. Дополнения. СПб., 2004. С. 618—620.

⁶⁴ БАН, Архангельское собр., Д., № 390, XVII в., 60—70-е гг., л. 76.

⁶⁵ Житие Антония Римлянина (РНБ, собр. ОЛДП, Ф. 97. XVII в., л. 288—289).

⁶⁶ Сборник житий и сказаний XVI—XVII вв. (РГБ, собр. Румянцева, ф. 256, № 154, л. 139 — Житие Иоанна Новгородского. Основная редакция. Глава «Слово о великомъ Иоанне архиепископе Великаго Новаграда, како бысть во единой нощи из Новаграда во Иерусалимъ градъ и паки возвратися в Великий Новъградъ тое же нощи»).

⁶⁷ Ксенофонт Робейский является основателем находившегося в 25 км к северу от Новгорода Ксенофонта-Робейского (на реке Робейке) монастыря. «Согласно церковной традиции, преподобный был учеником Варлаама Хутынского, жившего во второй половине XII века, монастырь же был основан им в 1230 г. или же не позже 1262 (или 1266) г. Упразднен монастырь был в 1764 г., после чего собор использовался в качестве приходской церкви» (Бобров А. Г. Житие Ксенофонта Робейского в списке пушкинского времени. С. 257).

⁶⁸ Там же. С. 266—267. См. также: Житие преподобнаго отца нашего Ксенофонта Новгородскаго чудотворца, жившаго над рекою Робейкою. СПб., 1884. С. 5—6.

шествующих изданиях Жития Ксенофонта Робейского 1884 г. и 1899 г. читается «Божием мановением», что больше соответствует общей направленности данного эпизода: показать, что именно божественный жребий определил пригодное для Робейского монастыря место.⁶⁹

Сюжетная линия «чудесное плавание», одним из основных мотивов которой является «плавание против течения», представлена в Повести о рязанском епископе Василии, при этом в результате плавания епископия была перенесена из Мурома в Рязань: «Сий же, стоя на брезѣ, снем мантию, и простре на воду, и вступи на ню, нося Божий и Богородичный образы, и абие духом бурным *несен бысть со образы противу струям, отнюду же река течаше*».⁷⁰

Мотив «плавание святого на мантии» присутствует в Житии Иакова, епископа Ростовского.⁷¹ Изгнанный князем и жителями Ростова, он уплыл по озеру на святительской мантии, а на месте остановки чудесной ладьи-мантии впоследствии был основан Иаковлев монастырь: «Он же исходя из града и пришедь къ езеру, снявъ съ себя мантию свою святительскую, положивъ ю на водѣ и знаменався крестнымъ троеперстнымъ знаменемъ, ставъ на мантии своей и поплыве по езеру к мѣсту, идѣже нынѣ во имя его нарицается Яковлевский монастырь. И бѣ мантия святому Иакову ладиею, веслом же молитвы его святя и незлобие пастырское».⁷²

Сохранились свидетельства о явлении во время весеннего паводка на реке Мсте около Боровичей мощей Иакова Боровицкого. Народное предание о явленном святом, прежде бытовавшее в памяти местных жителей, получило оформление в агиографической традиции в корпусе письменных памятников, связанных с почитанием святого, среди которых акты освидетельствования его мощей, Сказание о его чудесах, «Повесть словеси» и Слово о явлении мощей Иакова Боровицкого. В актах освидетельст-

⁶⁹ Житие преподобнаго отца нашего Ксенофонта, Новгородскаго чудотворца... С. 5; Цветков А., свящ. Преподобный Ксенофонт Робейский и основанная им обитель // Новгородские епархиальные ведомости. 1899. № 5 (1 марта). Ч. неоф. С. 304—315. А. Г. Бобров полагает, что «использованный автором Жития Ксенофонта мотив плавания преподобного Божиим соизволением на плоте против течения реки» следует отнести «к традиционным топосам новгородской литературной и фольклорной традиции» (Бобров А. Г. Житие Ксенофонта Робейского в списке пушкинского времени. С. 262).

⁷⁰ Повесть о Василии Рязанском. Первая редакция (РНБ, собр. Соловецкое. № 287/307, XVI в., 40—60-е гг. Автограф Ермолая-Еразма). Цит. по: Дмитриева Р. П. Повесть о Рязанском епископе Василии: (История текста первоначальной редакции) // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 52. См.: Дмитриев Л. А. 1) Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 156; 2) Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII—XV в. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 237. Более подробно мотивы «плавание на плоту» в Житии Иоанна Новгородского, «плавание на мантии» в Житии Рязанского епископа Василия и «плавание на камне» в Житии Антония Римлянина будут рассмотрены в отдельных работах.

⁷¹ Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов, исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. С. 88.

⁷² РНБ, собр. Типова, № 43, перв. пол. 60-х гг. XVIII в., л. 42 об. Текст Жития Иакова Ростовского опубликован по данной рукописи в статье: Уханова Е. В. «Житие» св. Иакова епископа Ростовского в контексте источников по русской истории XIV—XIX вв. // Русская книжность: Вопросы источниковедения и палеографии. М., 1998. С. 56—58. См. также: Описание ростовского Спасо-Яковлевского Дмитриева монастыря. СПб., 1849. С. 3--6.

вованья мощей святого 1544 г. сообщается, что местные жители увидели мощи Иакова Боровицкого на ледяной «крѣ», плывущей по реке Мсте.⁷³ В более поздних произведениях XVII в., в «Повести словеси» о явлении мощей Иакова Боровицкого и в Слове о явлении мощей святого, подчеркивается, что чудесное плавание происходило против течения: «Леду же части, зовомо кра, *носящюся противу воды силы волнь и быстрости велия, и противу быстрости болма быстрость показуетъ правлениемъ сильнымъ премудрости Божия неизреченныхъ судьбъ глубины* и имѣюще на собѣ колоду без верху кровли, и та горѣла, в нейже многоцелебное и бесцѣнное сокровище лежаше, тѣло свягата Иякова, по мѣсту того Боровицкий» («Повесть словеси» о явлении мощей);⁷⁴ «...купное с честными его мощи на части леда по рецѣ Мстѣ реченной, *противу водотечию быстру богородвижнѣ плавствующи, в свѣтлый свѣтлыя недели вторник манием Божиимъ*» (Слово о явлении мощей).⁷⁵

Агиографические повествования о явленных на воде святых мощах относятся с содержащими подобный сюжет преданиями, до сих пор существующими в устной традиции Северного края. У современных печорских старообрядцев существует цикл преданий о явленном местнотчимом святом Иване, появившемся в Усть-Цильме в лодке или на плоту.⁷⁶ Местные предания об Иване следуют примерно одной схеме: «Вступлением служит определение времени и обстоятельств поселения на Тобыще: упоминаются времена Ивана Грозного и патриарха Никона, в отдельных вариантах эти имена однозначно объединяются и связываются с началом гонений и бегством раскольников. Затем следует характеристика достаточно суровых условий их жизни, которыми в некоторых вариантах объясняется

⁷³ РГБ, собр. ТСЛ, ф. 304/1, № 654, XVII в., л. 84—84 об.

⁷⁴ «В той же день повесть словеси явления честных и многоцелебных мощей преподобнаго тѣлеси свягата Иакова и в предѣлах Великаго Новаграда Боровицкаго чудотворца, како приде Мстою рѣкою вопреки струямъ к мѣсту Боровицку, идѣже лежаше, или косю славою прослави его Богъ». Четья Миня на октябрь Германа Тулупова (РГБ, собр. ТСЛ, ф. 304/1, № 668, 1629 г., л. 233—233 об.).

⁷⁵ «Мѣсяца октоврия въ 23 день. Слово о явлении честныхъ и многоцѣлебныхъ мощей свягата и преподобнаго Иакова Боровицкаго чудотворца и о чудесехъ его» (Рай мысленный: Изд. Иверского Валдайского монастыря. 1658—1659. РНБ. III. 9. 66, л. 13—13 об. второго счета).

⁷⁶ «...Усть-цилемские предания об Иване с Тобыща предстают как своего рода эпилог истории печорского раскола: героем преданий является последний страдалец за древле-православную веру, который, по преданию, приплыл в Усть-Цильму и был захоронен на местном кладбище, названном по его могиле „Ивановым“. Память о нем составила основу ритуала поминования, ежегодно совершающегося в Иванов день» (Канева Т. С. Усть-цилемские предания об Иване // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 1999. Т. 30. С. 423). Т. И. Дронова полагает, что в преданиях о местнотчимом Иване «контаминированы не только разновременные события, но и имена Иванов: „отшельника“, тобышского скитника, основателя Усть-Цильмы, беглого солдата и младенца, паломника. по мнению староверов, „живших во Христе“ и послуживших Ему. Легендарный образ каждого Ивана заключал в себе систему знаний и представлений крестьян об идеале благочестия-святости, приближенность к которым видели в отказе от мирских радостей, подвижничестве, нищенстве Христа ради, свосвременной смерти (младенчество)» (Дронова Т. И. Народные представления о святости на примере преданий о местнотчимом Иване: (По материалам староверов-беспоповцев Усть-Цильмы) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международ. науч. конф. «Рябининские чтения-2003». С. 173).

причина вымирания поселенцев, в частности от голода; причиной смерти называется, кроме того, старость или убийство скитян „гонителями веры”. <...> В большинстве же рассказов события развиваются следующим образом. Оставшись один, Иван хоронит умерших скитальцев, изготавливает лодку и ложится в нее (гроб), в плот, в котором живым (мертвым) по весеннему половодью его выносит к Усть-Цильме, где его хоронят (по одной версии, это произошло 7 июля по нов. ст. — в Иванов день). В трех вариантах особое внимание обращается на то, что лодку с Иваном приносит против течения, а одни из них включают также мотив „чудесной пристани”: лодка с телом Ивана „далася” жителям Усть-Цильмы лишь со второго раза, указав таким образом, по толкованию рассказчика, место захоронения. Завершаются рассказы сообщением о том, как почитаются могила Ивана и тобышские захоронения, к которым по обету ездят усть-цилемы». ⁷⁷

С точки зрения генезиса предания и агнографические рассказы о явленных святых, как нам представляется, следует рассматривать в русле преданий об основании храмов, церковей или населенных пунктов на месте появления / остановки икон. «Упоминание о явленной иконе, — как отмечает Н. А. Криничная, — известное в фольклорной и агнографической литературе, по сути восходит к фольклорному мотиву, этнографическим субстратом которого следует считать языческий обряд определения места для поселения и основания церкви». ⁷⁸ Этот мотив, встречающийся в устных преданиях, «отражает чисто формальную христианизацию языческого обряда, которая сводится к тому, что вместо первого строевого дерева или строевого леса в предании присутствует такой атрибут христианской

⁷⁷ *Канева Т. С.* Усть-цилемские предания об Иване. С. 423—424. Приведем примеры могива «плот / лодка плывет против течения» из преданий об Иване: «...весной вода-то большая-то стала, этот край-то [берега] валит, его свалило до ей [реки], его и унесло. Его и унесло по реки-то на Печору-ту, на эту реку-то вынесло прямо в Усть-Цильме. Есть усье Цильмы, оно там по Цильмы—Тобыш-от. Его по Цильмы-то несло-несло, вынесло на Печору-ту, этого мужика-та. *Дак его не вниз по течению несет, а его вверх несет. Его вверх принесло, и вот где-ка нынче кладбище там...*»; «[Иван] из Тобыша-то выплыл. Он жил один, все умерли. И похоронил. Там жили они. И потом ему [он] почувствовал, что помереть надо. Он в лодку зашел, умер. В лодке несет его. *Несет, да и вверх по Печоре несет его.* Усть-Цильма тут-то, вниз по Печоры <...> Несет, а принесло там в нижнем конце куды ле. То ли хотели лодку поймать — лодка отнесла, не дался. *Вверх опять понесло дальше. Дальше вверх понесло, вверх по Печоры несет лодку.* И он там лежит, покойник, и там на пристани принесло лодку, [в]стала. Подошли, и в руки дался. И тут его и захоронили. К ему все овешаются...»: «...Вообщем из веры гонили. Эту веру, вот котору мы веруем, ну там молятся, то, другое — это не любили. Это из веры гонили. И вообщем людей там тоже садили и все тоже, чтобы эта вера не была. Ну тут люди сколько-ле сдумали уйти. Вот по этому Тобышу сбежать отсюда, чтобы там их никто не знал, и там это как-то поселиться жить, там Богу молиться -- это все такое. Ну они уж там ушли, различилсь, расселились. Там уже и дивно людей стало, там избушки они поставили, жили. Опосле, вообщем, их там узнали как-ле разоблачили. Узнали и там поехали к им. Вот они этих людей всех убили. Один тутока у их остался как-то, человек один. Они и того убили. Его убили, дак в рогозину каку-то они его завертели, вязкой завязали и на Тобыш бросили. Его вынесло, на Печору вынесло. *Надо вниз чтобы несло, а его вниз не несет, а вверх несет, против быстри.* И потом на берег его прибило. Вон в то место на берег прибило. Там люди увидели, нашли. Его Иваном зовут...» (издание текстов преданий см.: Там же. № 1. С. 425; № 14. С. 428; № 17. С. 429--430).

⁷⁸ *Криничная Н. А.* Русская народная историческая проза. С. 52.

обрядности, как икона. Она играет такую же роль, что и более архаические по оформлению и более органичные для языческого обряда атрибуты». ⁷⁹ Н. А. Криничная полагает, что «бревно, священные столбы с изображением языческого божества и христианская икона оказываются функционально тождественными. Древний языческий обряд определения места для поселения, совершаемый пришельцами, сопровождается, таким образом, разностадиальными атрибутами». ⁸⁰ «Действительно, — пишет А. А. Панченко, — подобные обряды распространены во многих архаических культурах, однако, на мой взгляд, в данном случае скорее следует усматривать не генетическое, а общетипологическое родство ритуалов и преданий. Приплывание или явление иконы — это знак, посредством которого потусторонний (сакральный) мир отмечает обособленность, выделенность определенного места (надо заметить, что рассказы о построении населенных пунктов, церквей и т. п. вообще очень тесно связаны с представлениями о священных локусах), такая символика могла воспроизводиться и в контексте народного христианства». ⁸¹

Многочисленна группа преданий о явленных иконах, на месте появления или остановки которых основывали селения или храмы. Сюжет с иконой, плывущей по реке, распространен в уральских преданиях. ⁸² Этот мотив встречается в онежских преданиях: «Хотели построить деревню — бросили икону в воду. Три раза бросали — и три раза она приплывала на одно и то же место. Куда икону принесло, там и деревню построили... Вирму хотели вначале выше строить: вода ведь здесь соленая» (основание села Вирма); «...как мне говорила моя мать, что остановилась икона, приплыла и остановилась, — решили вот, значит, в честь этого строить церковь Покрова Богородицы...» (основание Анхимовской Покровской церкви) ⁸³ и др.

Сюжет о иконе-жребии, в том числе мотив о плавании иконы против течения, довольно типичен для пинежских преданий, например о строительстве Никольской церкви в д. Кобелево: «...И вот спорили они: на какой стороне реки строить церковь. <...> Сошлись на том, что бросят в реку икону: к какому берегу прибьет, там и будут церковь строить. <...> Прибило икону к левому берегу. <...> И появилась красивая церковь»; ⁸⁴ о строительстве Преображенской церкви в д. Большое Кротово: «А на Кротовом церковь на той стороне [в Малом Кротово] хотели строить. Спустили икону, а ее к Большому Кротову прибило»; «Кротовцы хотели церковь строить на той стороне [в Малом Кротово]. И спустили икону по

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. С. 44.

⁸¹ Панченко А. А. Исследования в области народного православия: Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998. С. 139—140.

⁸² Чагин Г. Н. Почитание Стефана Пермского в Перми Великой в XVI—XVII веках // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 1. С. 288.

⁸³ Криничная Н. А. Предания Русского Севера. Раздел «Предания о выборе места для поселения и для построения объекта культового назначения». № 31. С. 39; № 43. С. 42.

⁸⁴ Иванова А. А., Калущкова В. Н., Фидесева Л. В. Материалы к этнокультурному атласу «Святыя места Пинежья» // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2003. Вып. 2. С. 208.

реке. И она остановилась здесь, на этой стороне. Так и построились»;⁸⁵ о возведении Рождественской церкви в д. Земцово: «Спустили икону. И икону кверху понесло. Где церковь, тут и прибило. Тут и построились»; «Раньше деревня наша была в поле <...> Пустили люди иконку: где же деревне быть? А она поплыла против течения. И где она остановилась, поставили часовенку. На том месте и деревня стала».⁸⁶ Подобные предания были записаны в 80—90-х гг. XX в. в Архангельской и Кировской областях: «Это вот уж нам папа рассказывал. И эта церква-то у нас немного годов. Ее деревянна начали строить, опустили икону. Раньше ведь по Господу все. Икону опустили на реку. Где икона пристанет, тут и церкву спростить будут. Она шла, шла и вот тут, где-ка церква, тут к бережку пристала. Тут и церковь. Все по-божески. Назвали Николай Чудотворец церкву»;⁸⁷ «Никола Чудотворец (Великорецкая икона Николая Чудотворца. — Е. Р.). Вот тут мельница была, икона будто бы выплыла с Николой Чудотворцом. В бусиле вот плавала. Это специально уж тут попы подделали. Выплыла икона с Николой Чудотворцом. И так она и называлась эта часовенка, значит, Никола Чудотворца. Вот мельница стоит, здесь пруд — бусило. Дак вот, значит, вот она тут и плавала. Увидали утром, мельник увидал — ой, Никола Чудотворец выплыл. Вот тут давай и церковь спростить»;⁸⁸ «Когда в Ирту приплыл Спаситель по Вычегде, откуда-то оттуда из Коми он приплыл. И у берега эта иконка она была. Ну и вот. Эту иконку ее часто от берега все отправляли вниз по течению, и она обратно, все на том месте эта иконка была. Ну че. Потом эту икону подняли кверху, построили часовенку. В этой часовне положили. Там ходили молились».⁸⁹

В цикле устных преданий о Стефане Пермском есть рассказ об основании Вишерской церкви на месте остановки плывущей против течения лодки с иконой: где она пристала, там и заложили церковь. Вишерцы «славословили Бога в часовне, ими построенной. Однажды после утренней молитвы они увидели лодку, плывущую против воды по р. Вишере. В лодке не было седока, но на противоположном берегу реки стоял седовласый старец и грозно приказывал народу чествовать драгоценное сокровище, которое Бог посылает земле Вишерской... Лодка пристала к берегу, старец скрылся. Народ, дивясь чуду, как лодка сама по себе могла плыть против воды, смутился. Угрожающие речи неизвестного старца предвещали что-то таинственное. Изумленные вишерцы подошли к лодке с трепетом и увидели драгоценное сокровище — икону Богородицы, чудного письма, пред которой горела восковая свеча. Страх сменился духовною радостью, и вишерцы благоговейно перенесли икону в часовню, вскоре построили церковь и осветили ее именем явленной Матери Божией».⁹⁰ Издатель XIX в.

⁸⁵ Там же. С. 219, 220.

⁸⁶ Там же. С. 227, 228.

⁸⁷ Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета (далее — ФА СыктГУ). Вилегодский район Архангельской области (0401-48). Здесь и далее расшифровки аудиозаписей ФА СыктГУ выполнены сотрудниками Центра фольклора СыктГУ.

⁸⁸ ФА СыктГУ. Юрьянский район Кировской области (2851-75).

⁸⁹ ФА СыктГУ. Ленский район Архангельской области (0823-26).

⁹⁰ Текст предания опубликован: Михайлов Н. Усть-Вымь // Вологодские губернские ведомости. 1850. № 11; Вологодская старина. С. 425—427. См. также: История Пермской

Н. Михайлов приводит комментарии, в которых поясняется, что в одном из подобных преданий «старец, сопровождающий лодку, был Святитель Николай», а в другом — что это был «Святитель Стефан, преставившийся около этого времени».⁹¹ В данном предании обнаруживается контаминация трех одновременных сюжетных мотивов, связанных с выбором места с помощью обряда, которые по своей функции дублируют друг друга: плывущая против течения лодка, находящийся в этой лодке сакральный предмет — икона и стоящий на берегу святой старец, управляющий движением этой лодки.

Монастырское предание об основании Трубчевского Челнского монастыря в Орловской губернии соотносит его создание с явлением образа Богородицы Челнской, плывущей в челне против течения: «Святая икона плыла по реке Десне в челне *против течения*».⁹² В другом топонимическом предании о создании Бабецкого монастыря в Костромской губернии рассказывается о том, как однажды на одной из «бабаек» (большие весла, используемые во время сплава леса вместо руля) по реке Волге приплыла икона св. Николая Чудотворца и остановилась в устье Солоницы, где позднее и был основан Бабаевский монастырь.⁹³

Предания и письменные сказания о явленных на воде святынях не ограничиваются только повествованиями о чудотворных иконах. К ним следует отнести также и рассказы о явленных крестах. О «водном» появлении каменного креста, приплывшего против течения по реке Обноре, на месте остановки которого была возведена затем Ильинская церковь, повествуется в «Сказании о каменном кресте при храме святого пророка Божия Ильи на Обноре реце в пределах Вологодских», опубликованном в 1879 г. на страницах Вологодских епархиальных ведомостей вологодским историографом, преподавателем вологодской духовной семинарии Н. И. Суворовым (1816—1896). В своей публикации Н. И. Суворов приводит народное предание об обретении этой реликвии и текст самого Сказания, из которого следует, что «каменный крест некогда чудесным образом приплыл по волнам реки Обноры против ее течения и сам собою остановился... близ Ильинской церкви».⁹⁴ Согласно тексту церковного летописца Ильинско-Обнорской церкви, чудесные исцеления больных происходили от воды, которой обливали каменный крест во время молебна.⁹⁵ Известно предание о плывущих против течения каменных крестах, связанное с онежским подвижником Афанасием Сяндемским: «Устье реки Сяндемки, текущей на 9-ть верст, из Сяндемского озера в реку Тулоксу, доселе охраняется каменными крестами, воздвигнутыми на обонх берегах речки. Предание говорит, что они сопутствовали преподобному Афанасию с Валаама как бла-

епархии в памятниках письменности и устной прозы: Исследования и материалы: (К 600-летию со дня преставления Стефана Пермского). Сыктывкар, 1996. С. 116—117, № 25 (Предание о Вишерской церкви).

⁹¹ См. об этом: История Пермской епархии... С. 117.

⁹² Православные русские обитатели. С. 279.

⁹³ Там же. С. 258.

⁹⁴ Суворов Н. И. Сказание о каменном кресте при храме пророка Божия Ильи // Вологодские епархиальные ведомости. 1879. № 13. С. 287.

⁹⁵ Там же. С. 289.

гословение тамошних старцев. Окрестные жители с верою рассказывают, что они чудесно проплыли за преподобным против течения речного». ⁹⁶

Крест, подобно «пущенной по воде» иконе, может выполнять роль жребия. Отметим, однако, что рассказы о кресте-жребии достаточно редки. Нам встретился только один пример использования креста-жребия в церковной практике, при выборе места для возведения Супрасльского Благовещенского монастыря в Гродненской губернии: «Из Городка на реку Супрасль пущен был деревянный крест с частицею древа Креста Господня: за ним шли по берегу реки два иеромонаха и следили: в какой местности к берегу пристанет крест, — эту местность считать избранною изволением Божиим для построения ему храма и обители». ⁹⁷

Примечательно, что «народные представления о приплывающих святых, иконах, камнях оказали влияние на своеобразное истолкование Преполовления Пятидесятницы (в местной огласовке «Препловеньё») в некоторых сибирских деревнях. „В этот день говорят: «Богоматерь приплыла на камню»... или: «Богородица приплыла на святой льдинке»». ⁹⁸

Многовековое бытование архетипического мотива «плавание», неоднократно воспроизводящегося как в устной, так и в письменной традиции, обусловлено, на наш взгляд, еще одним обстоятельством. Помимо мотива, связанного с плаванием святого, в агиографических памятниках и в устных преданиях звучит связанный с данным мотив «хождение святого по воде», обязательным элементом которого является формула «яко по суху».

Мотив «хождение по воде» можно считать общим местом во многих агиографических памятниках, в том числе и в русской традиции. Так, например, в Сказании о Данииле Переяславском говорится о том, что святой неоднократно, без всякого плота или «ладьицы», мог переходить через реку, чтобы помолиться в храмах: «И от церкви тоя преиде Трубежь реку яко по суху, верху воды к церкви святаго Климента...»; «И поиде по берегу реки тоя к церкви царя Константина и к церкви святаго апостола Филиппа... И паки преиде реку яко по суху». ⁹⁹ В Сказании о чудесах Филиппа Ирапского помещен рассказ о том, как святой избавил от беснования девицу Екатерину, подойдя к ней с крестом прямо по воде: «...увидѣла бѣснующая старца со крестомъ, по водѣ идуща къ ей». ¹⁰⁰ В Житии Диодора Юрьегорского повествуется о видении Диодору пустытника Тимофея, ходящего по глади озера: «Случися ему (Диодору. — Е. Р.) с прочими тружующимися братиею смотрѣти на озеро. Зрящимъ же имъ, глагола братии: „Видите ли, братие, пустытника нага, ходяща по водѣ, яко по суху?».

⁹⁶ Афанасій Сяндемскій подвизался в монастыре Александра Свирского, затем ушел на Валаам, затем основал пустынь на Олонцком берегу Ладожского озера («на живописном перешейке между двумя озерками Сяндемским и Рошинским верстах в 30 на север от Олонца»), там поставил часовню в честь Св. Троицы (Барсов Е. Преподобные обонжские пустынножители. С. 64).

⁹⁷ Православные русские обители. С. 560—561.

⁹⁸ Панченко А. А. Исследования в области народного православия. С. 138, сн. 19.

⁹⁹ Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, ч. 2. С. 624—625.

¹⁰⁰ Сказание о чудесах Филиппа Ирапского. Первая редакция (РНБ, Ф. I, № 260). Цит. по: Крушельницкая Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. С. 208.

Онем же не видѣвшим никогоже и чюдящимся сего видѣнью». ¹⁰¹ В «Повѣсти о чюдесѣхъ преподобныхъ отецъ Зосимы и Саватия Соловецкихъ чюдотворцевъ и о явлении образа ихъ во области града Устюга Великого на рецѣ, зовомой Двинѣ, на Кулаковской Слудѣ» два соловецкихъ старца, Филимон и Кирилл, исцеляютъ отъ огневицы местного отрока Иоанна темъ, что в течение одной ночи, взявъ его подъ руки, перемещаютъ в свой монастырь по реке Двине, «аки по суху», а потомъ такимъ же образомъ возвращаютъ обратно домой. ¹⁰² В Сказании о явлении Толгской иконы Богородицы приводится эпизод чудесного хождения по воде ростовского и ярославского епископа Прохора. Когда епископъ плылъ в ладьяхъ внизъ по Волге, остановился у ея притока — Толги и увиделъ на противоположной сторонѣ светъ («столпъ огнень пресвѣтель, неизреченно сияющъ»), указывающій местонахождение иконы Богородицы, и перешелъ реку по воде: «И возшедь на зримый мостъ, идяше по водѣ, аки по древу, никогдаже бо тамо мостъ бѣше, но *Божшимъ повелѣниемъ огустесе ему вода и бысть аки мостъ под ногама его*». ¹⁰³ В автобиографической повести Мартирия Зеленецкого рассказывается о чудесной способности святого Мартирия переноситься черезъ воду: «И видѣхъ во снѣ у пустыни той море, и на томъ мори образъ Пресвятыя Богородица Одигитрие, яковъ же и прежде явльшійся мнѣ, плаваетъ. <...> Мнѣ же восхотѣвшу знаменатися у образа Пресвятыя Богородица, яко и прежде, но устрашихся воды морския, зане яко потопитъ мя. <...> *И абие аки нѣкоторою бурей пренесе мя образъ той чрезъ море* и постави мя на брезѣ, на друзѣй странѣ моря». ¹⁰⁴

В русской агиографической традиции есть памятники, отражающіе интерес ихъ создателей именно къ «воднымъ» чудесамъ святого. По нашимъ наблюдениямъ, это относится в первую очередь къ житіямъ юродивыхъ, поскольку хождение святыхъ по воде, совершаемое, какъ правило, при жизни блаженного, является очевиднымъ проявлениемъ его святости в отличіе отъ антиповеденія юродивого в миру.

Чудесной способностью уходить отъ преследованія по воде отличались новгородскіе юродивые — блаженные Феодоръ и Никола Кочановъ. В изданіяхъ XIX в. «Николо-Кочановская церковь в Новгороде» и «Жизнь и чудеса блаженного Николы Кочанова, Христа ради юродивого, Новгородского чудотворца» приводится эпизод о хождении святыхъ по поверхности Волхова, ¹⁰⁵ а также надпись на раке блаженного Феодора о хождении Феодора по воде: «За обличеніе нечестія и предсказаніе неурожаевъ терпя отъ людей пханіе и биеніе, гонимый св. Николою с Софійской на торговую сторону, прехождаше по воде реки Волхова, аки по суху». ¹⁰⁶ Ориентируясь на данныя публикаціи XIX в., пересказываетъ фрагментъ

¹⁰¹ Житіе Диодора Юрьегорского (БАН, Архангельское собр., Д., № 260, л. 7—7 об.).

¹⁰² РГБ, собр. Тихонравова, ф. 299, № 623. XVII—кон. XVIII в., л. 184.

¹⁰³ РНБ, Соловецкое собр., № 990/1099. XVII—XVIII вв.

¹⁰⁴ Автобиографическая повесть Мартирия Зеленецкого (РНБ, О.І, № 424, л. 161—176 об., XVII в., втор. пол.). Цит. по: *Крушельницкая Е. В.* Автобиография и житіе в древнерусской литературѣ. С. 288—289.

¹⁰⁵ Жизнь и чудеса блаженного Николая Кочанова. Христа ради юродивого, Новгородского чудотворца. М., 1891. С. 16—18.

¹⁰⁶ Николо-Кочановская церковь в Новгороде. 2-е изд. Новгород, 1865. С. 5.

о перемещении святых по поверхности Волхова И. А. Ковалевский.¹⁰⁷ Упоминает о чудесной способности ходить по воде, присущей новгородским юродивым Николе Кочанову и Феодору, в своем издании Г. П. Федотов, не указывая источника этих сведений.¹⁰⁸

В научной литературе считалось, что Житие Николы Кочанова неизвестно, а в рукописной традиции с XVI в. бытовали немногочисленные, записанные, видимо, в XV в. устные рассказы о святом (два чуда Николы Кочанова — о вельможе и клирике Иоанне) и Похвальное слово юродивому.¹⁰⁹ В обнаруженной нами поздней рукописи XIX в. (РНБ, собр. Тиханова, № 728) содержится не совпадающее по содержанию с предшествующими записями чудес святого Житие Николы Кочанова.¹¹⁰ Этот текст, вобравший в себя устную традицию почитания святого, сообщает о способности новгородских святых перемещаться по поверхности Волхова. В Житии Николы Кочанова, подвизавшегося в Великом Новгороде в конце XIV в., рассказывается о его противоборстве с другим новгородским «похабом» Феодором, жившим на Торговой стороне. Оба юродивых оберегали свою часть Новгорода: Никола — Софийскую, а Феодор — Торговую сторону, не пуская туда другого, Никола даже кидался кочанами капусты в своего обидчика Феодора, за что и получил прозвище «Кочанов». Каждый из них легко уходил от погони, чудесным образом перемещаясь по поверхности Волхова: «Случися же имъ тогда бѣжати по огородам, и взя блаженный Николай съ огорода кочанъ капусты, бѣгаше за Феодоромъ. Блаженный же Феодоръ, не вѣдая, куда от него уклонитися, *побѣже чрезъ рѣку Волховъ по водѣ*. Блаженный же Николай за нимъ вослѣдъ течаще и броси въ него по рѣкѣ Волхову кочномъ, а Феодоръ святыи, ухватя кочанъ, бѣжа на свою сторону. Блаженный же Николай за нимъ *бѣжа до полурѣчки Волхова* и возопи гласомъ великимъ: „О Феодоре! Отдай мой кочанъ! Почто преобидѣлъ еси мя симъ кочномъ?“. Рече блаженный Феодоръ: „Онъ бо есть мой теперь, а не твой!“ (от такового случая назвася святыи прозваниемъ Кочановъ). И не хотѣ святыи Николай гнатися за блаженнымъ Феодоромъ далѣе полурѣчки Волхова на Торговую сторону, но возвратися вспять на свою Софийскую сторону».¹¹¹

В Особой редакции Жития московского чудотворца Василия Блаженного,¹¹² которая насыщена фольклорными мотивами, также повествуется

¹⁰⁷ Ковалевский И. А. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской церкви. М., 1895. С. 188—189. сн. 3 на с. 197.

¹⁰⁸ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 203.

¹⁰⁹ Солодова Л. В. Чудеса Николы Кочанова // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 511—512.

¹¹⁰ «Житие святого блаженного Христа ради юродиваго Николая Кочанова, новгородскаго чудотворца» (РНБ, собр. Тиханова, № 728, XIX в., л. 1—6). Текст Жития Николы Кочанова по данной рукописи публикуется мною в ст.: Рыжова Е. А. Мотив «хождение по воде» в житиях юродивых и устных преданиях // Юродивые в русской культуре: Сб. ст. науч. конф., посв. 450-летию преставления св. Василия Блаженного / Под ред. Е. М. Юхименко (в печати).

¹¹¹ РНБ, собр. Тиханова. № 728. л. 5 об. — 6.

¹¹² Сабирова Л. М. Житие Василия Блаженного — памятник древнерусской агиографии XVI века: (Проблемы типологии и литературной истории произведения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. С. 10—12. Первый исследователь и издатель Жития Василия Блаженного И. И. Кузнецов называл известный ему список данной редакции «жи-

о способности юродивого чудесным образом преодолевать водные преграды. В данной редакции помещен рассказ об избавлении Москвы от дьявола, принявшего образ нищего. Описание чуда предстает в форме развернутого динамичного повествования, куда включены и диалоги Василия с дьяволом, и их прямое противоборство. Апофеозом борьбы святого с дьяволом становится чудесная способность Василия ходить по воде. Загнанный в Боровицкую башню дьявол, стремясь уйти от преследования, прошибает ее стены насквозь и «ввержеса в Москву-реку».¹¹³ Однако Василий Блаженный «*побеже по воде, яко по суху*, гоня диявола, и прогна его чрез Москву-реку, дондеже в конце исчезе диявол и невидим бысть».¹¹⁴ В Особой редакции памятника приведено чудесное спасение Василием Блаженным Новгорода от пожара: однажды Василий в день тезоименитства Грозного был приглашен в царские палаты, но трижды выплескивал полученную из рук царя чашу с вином за окно, приведя царя в негодование. Юродивый объяснил свое поведение, сказав, что тем самым он потушил пожар в Новгороде, и покинул царские палаты.¹¹⁵ Так называемое новгородское чудо святого читается и в переработке XVIII в. Жития Василия Блаженного, которую издатель произведения И. И. Кузнецов назвал «Сказанием о прижизненных чудесах юродивого», однако в данном тексте оно дополнено известием о том, как Василий смог скрыться от царских слуг, уйдя от них по Москве-реке: «Друзии гнашася за ним, но не возмогша постигнути, зане прибеже к Москве-реке прямым путем и *прешед оную, яко по суху*, и невидим бысть».¹¹⁶

Превращено в насыщенный яркими образами детализированный рассказ описание хождения юродивого по реке Волге в Житии Симона Юрьевецкого. Об этом повествуется в Пространной редакции, все сохранившиеся списки которой датируются XVIII в.¹¹⁷ Однажды святой ходил по реке Волге в осеннюю ночь, когда был сильный ветер и «волны на онѣй велицей рецѣ немалы», однако Симон Юрьевецкий шел по поверхности реки — «верху вод», «аки по суху», «*подпираяся древомъ нѣкимъ от воды, ступая на волны, яко на нѣкие холмы, и яко летя, являяся*».¹¹⁸ В другой день хождение святого по реке Волге в тихую летнюю ночь наблюдал некий простолюдин города Юрьевца.¹¹⁹ Примечательно, что на том месте, куда

тием особого состава» (Кузнецов И. И. Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради московские чудотворцы. М., 1910), А. И. Соболевский предложил называть данную редакцию «апокрифической» (см.: Соболевский А. И. [Рец.] // ИОРЯС. 1913. Кн. 3. С. 391—395).

¹¹³ Кузнецов И. И. Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради московские чудотворцы. С. 89.

¹¹⁴ Там же. Сходное описание данного чуда читается и в другом списке Особой редакции святого: ИРЛИ, кол. Амосова—Богдановой, № 46, л. 82—85. Благодарю Т. Р. Руди, познакомившую меня с текстом данного списка.

¹¹⁵ Кузнецов И. И. Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради московские чудотворцы. С. 89.

¹¹⁶ Там же. Данный эпизод пересказывается и в издании: Ковалевский И. А. Юродство о Христе и Христа ради юродивые... С. 220.

¹¹⁷ Каган М. Д. Житие Симона Юрьевецкого // Словарь книжников. Вып. 3, ч. 4: Дополнения. С. 406—409.

¹¹⁸ Житие блаженного Симона Юрьевецкого. Пространная редакция (РНБ, собр. Погодина, № 757, XVIII в., перв. треть, л. 18 об.).

¹¹⁹ Там же, л. 20—20 об.

юродивый выходил на берег Волги, впоследствии был основан Криво-озерский монастырь.¹²⁰

Особый разряд чудес, связанных с хождением святых по воде, представляют собой рассказы о спасении кораблей на море во время бури.

В раннем списке Распространенной редакции Жития Василия Блаженного, который входит в состав Четьи-Минеи на август 1600 г. (ГИМ, Чудовское собр., № 317),¹²¹ пространно повествуется о том, как святой спасает корабль персидских купцов во время шторма, чудесным образом оказавшись рядом, среди бушующих волн (*«по морю ходяще, яко по суху»*), и смилив волны своей молитвой (*«Божиим именемъ морю запретивъ, и уягоста вѣтри, и бысть тишина велия, и спасе от потопления»*).¹²² Сходный текст читается и в Четьх-Миней XVII в.: в Четье-Минее на август Германа Тулупова 1627 г. и в Четье-Минее середины XVII в. Иоанна Милютина.¹²³ «Персидское чудо» Василия Блаженного присутствует, в сокращенном или распространенном виде, в последующих переработках Жития святого. Изображение стоящего в молитвенной позе на воде Василия Блаженного, обращенного к тонущему кораблю, стало сюжетом одного из медальонов на раке с мощами Василия Блаженного в Покровском соборе; присутствует оно и на ранних, конца XVI в., иконах святого.

Подобно Василию Блаженному, приходит на помощь тонущему кораблю и святой Трифон Печенгский: *«И в то время на море явися благообразенъ монахъ, всеми знаемъ, от образа яко преподобный Трифонъ, и прииде по морю близ лодии, и биющую волнами оградивъ крестнымъ знаменемъ, и ктому невидимъ бысть. И ста буря, и умолкоша волна»*.¹²⁴

Агиографические чудеса спасения святыми кораблей во время бури напоминают евангельское чудо спасения на водах (ср.: Мф. 8: 23—26), а также повествования о чудесах Николая Мирликийского. В посмертных чудесах святого Николая несколько рассказов посвящены описанию избавления от гибели во время шторма. Святой Николай спас корабль исповедника Симеона, который в минуту отчаяния увидел святого *«по морю идуща, яко по суху»*, и *«от того часа бы тихо море въ мгновении очию, ста и туча, и вѣтръ, и бы тишина велика»*.¹²⁵ Николай Мирликийский избавил

¹²⁰ Симон Юрьевецкий, согласно тексту Жития, сам предсказал создание обители. См.: Житие блаженного Симона Юрьевецкого. Пространная редакция (РНБ, собр. Погодина, № 757, л. 20 об.).

¹²¹ *Сабирова Л. М.* Житие Василия Блаженного — памятник древнерусской агиографии XVI века: (Проблемы типологии и литературной истории произведения). С. 9.

¹²² ГИМ, Чудовское собр., № 317, л. 78.

¹²³ Четье-Миней Германа Тулупова на август. 1627 г. (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, ф. 304 / 1, № 681); Четье-Миней на август Иоанна Милютина (ГИМ, Синодальное собр., № 808, л. 116—116 об.).

¹²⁴ Житие Трифона Печенгского (РНБ, Соловецкое собр., № 182/182, XVIII в., л. 113 об. — «О спасении монастырской лодии от потопления и о вѣрѣ ко Святей Троице монаха Веньямина»). В данном случае возможно влияние так называемых русских чудес весьма популярного в древнерусской традиции Жития Николая Чудотворца: в некоторых из них святой Николай, чудесным образом перемещаясь по воде, спасает тонущих на море во время бури. См.: Чудеса Николая Мирликийского / Подгот. текста, коммент. И. И. Макеевой, пер. Л. В. Соколовой // БЛДР. СПб., 1999. Т. 2. С. 222, 224, 226 (чудо 2 и 3). Текст памятника опубликован по рукописи XII в. РНБ, Ф. п. 1. 46.

¹²⁵ Чудеса Николая Мирликийского. С. 226.

от смерти благочестивого Дмитрия, подняв его со дна моря на руках и перенеся прямо домой.¹²⁶ В древнерусской рукописно-книжной традиции некоторые чудеса из Жития Николая Мирликийского переписывались отдельно, в частности занимательное «Чудо святого отца Николая о трехъ дружъхъ», в котором святой чудесным образом спасает свергнутых в море трех друзей: «И абие со дна моря камень подняся и поверхъ воды поплы», на который сели плавающие в волнах, а еще одного пропавшего друга невредимым приносит рыба-кит.¹²⁷

Имеющий широкое распространение в агиографической традиции мотив «хождения святого по воде, „яко по суху“» восходит к евангельским рассказам о хождении по воде Иисуса Христа (Мф. 14: 25) и о чудесной способности пророков «укрощать» воды. В книге Исход повествуется о божественной помощи пророку Моисею, который спасается от слуг и войск фараона, пройдя по дну Черного моря: волны, как стены, расступаются перед сынами израилевыми (Исх. 14: 21—22); в книге Иисуса Навина описывается переход евреями Иордана, расступившегося перед ними при их вступлении в землю обетованную (Нав. 3: 14—17).¹²⁸ Говорится в Библии и о том, как пророк Елисей подобрал упавшую с уносимого в огненной колеснице на небо пророка Илии милоть (овчину), ударил ею по воде Иордана, река расступилась перед ним, и он прошел по суху на другой берег (4 Цар. 2: 14).¹²⁹ Чудесное перемещение святого по воде является зримым воплощением метафорического библейского образа беспрепятственного преодоления святым житейской пучины.¹³⁰

О чудесной способности праведников ходить по воде повествуется в житиях раннехристианских подвижников. В одной из ранних коптских версий Жития основателя монашества Пахомия Великого, в которую включены многочисленные устные предания о святом подвижнике, рассказывается о том, что он мог «переходить через Нил по воде».¹³¹ Могла

¹²⁶ Там же. С. 222—224.

¹²⁷ См., например, ГИМ. Музейское собр., № 269. л. 199. Сборник старообрядческий (Цветник). 1760 г. На л. 199 помещена миниатюра, изображающая чудесное спасение трех друзей: два друга плывут на огромном камне, на который из челюстей рыбы-кита выходит еще один друг.

¹²⁸ Мотив «воды расступаются перед праведником» отражен и в севернорусском Сказании о Кирилле Вельском: «И какъ прииде к рекъ и вълъзе в воду, и растуися от него вода сажени по три на всѣ страны» (Сказание о чудесах Кирилла Вельского. Основная редакция (РГБ. собр. Никифорова, ф. 199. № 661. XVII в., нач., л. 8 об.)).

¹²⁹ В апокрифическом Житии пророка Ильи также рассказывается о том, как при переходе Иордана пророк Илья заставляет воды расступиться перед ним, образовав сухой проход по дну реки: «И бысть идушема има пренти Иорданъ. И снѣмъ Илья милоть себѣ и свить ю, и влари ю въ воду, растуися вода суду и суду. И преидоста оба по суху». «Месяца июля въ 20. Огненное схождение святого пророка Ильи» (РНБ. собр. Кирилло-Белозерского монастыря, Ф. 1. № 767, XVI в., л. 182).

¹³⁰ Подобный образ нередко встречается и в службах святым, например в тропаре Логгину Коряжемскому: «Море житейскихъ волъ небрегъ еси и немокренными ногами прешель еси, струя иорданская явилася еси, в ней погрузившуся Святому Духу, смуже пребывать всегда...»; «Инь тропарь преподобному Логгину, гласъ 6» (Национальный музей Республики Коми (г. Сыктывкар), собр. Тек. пост., р-7, XIX в., л. 146а).

¹³¹ Житие Пахомия Великого шпт. по: Хосроев А. Л. Пахомий Великий: (Из ранней истории общежительного монашества в Египте). СПб.: Кишинев: Париж, 2004. С. 200. См. также главу «О еретиках, которые носят одежды из шерсти»: в ней рассказывается о мона-

перемещаться по поверхности Иордана Мария Египетская.¹³² В одной из новелл Римского патерика рассказывается о чудесном спасении от потопления брата Плакиды, которого спас монах Мавр, подойдя к нему по поверхности речной быстрины: «възиде на воды, и яко по суху, утоком идяше до мѣста, идѣже воднымъ устремлениемъ Плакида ношашеся, и похвативъ за главныя власы, скорымъ течениемъ възваси, иже абие на сухо пришед».¹³³

Рассказы о святых, которые наделены способностью перемещаться по поверхности воды, известны и в устной традиции. Для фольклорного героя вода, отмечает М. Б. Плюханова, это «основная сфера обитания», поскольку «на воде он становится неуязвимым».¹³⁴

Некоторые из устных преданий, содержащих мотив «хождение святого по воде», связаны с Прокопием Устюжским. О том, что Прокопий Устюжский мог беспрепятственно перемещаться по рекам Устюжского края, упоминается в Похвальном слове святому: «Радуйся, звѣздо пред солнцем сияющая! Нѣкогда нѣщии христолюбцы видяху тя, по рецѣ Сухонѣ пѣша ходяща, якоже древний Моисѣй пророкъ сквозѣ Черное море проиде, яко по суху, иногда бо Зосима видѣл Марию Египетскую, чрез Иердан идущая, яко по суху».¹³⁵ Сообщая о способности Прокопия ходить по воде, автор Похвального слова С. Шаховской, скорее всего, опирается на устные предания о святом (в Житии Прокопия Устюжского о способности святого ходить по воде ничего не говорится), бытовавшие и до сих пор существующие в Северном крае. Об одном из подобных преданий упоминается в «Истории города Соли Вычегодской», составленной в 1789 г. уроженцем города Сольвычегодска А. Соскиным: «И еще есть *повествование в народе*, якобы святой Прокопий, Христа ради юродивый, Устюжский чудотворец, отъиде из Новагорода, проходя, и доиде в сей город Чернигов. Но малые дети гражданские, ругаясь ему, блаженному, чинили озлобления. Он же, не стерпе, изыде из города, доиде до реки Вычегды. Неразумнии же дети за ним гнашеся с ругательствами до самого берега. *Он же, блаженный, не требуя перевоза, по воде за реку Вычегду преиде и уйде в город Устюк*».¹³⁶

шествоющих еретиках, желающих вызвать Пахомия на состязание: «...давай вместе перейдем реку, ступая ногами (по воде), чтобы мы узнали, кто из нас более приятен Богу». Пахомий отказался, ответив им: «Моя борьба и все мое стремление состоит не в том, чтобы перейти реку, ступая ногами (по воде), но в том, как избежать мне Божьего суда и с Божьей силой таких сатанинских уловок» (Там же. С. 358).

¹³² Житие Марии Египетской / Подгот. текста, коммент. О. В. Творогова // БЛДР. Т. 2. С. 210, 212. Текст опубликован по наиболее распространенной в древнерусской книжности редакции Жития, включавшейся в состав Торжественника. См. также: Византийские легенды / Изд. подгот. С. В. Полякова. Л., 1972. С. 96—97.

¹³³ Патерик Римский: Диалоги Григория Великого в древнеславянском переводе / Изд. подгот. К. Дидди. М., 2001. С. 127—128.

¹³⁴ Плюханова М. Б. О национальных средствах самоопределения личности. С. 448. См. также: Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг., 1914. Вып. 3. С. 1193.

¹³⁵ «Похвала святому великому чудотворцу Прокофью, уродивому Христа ради, Устюжскому чудотворцу» (РГБ. Музейное собр., ф. 178, № 1365, XVII в., л. 34).

¹³⁶ Соскин А. История города Соли Вычегодской / Подгот. текста А. Н. Власова. Сыктывкар. 1997. С. 19.

В устных преданиях о другом святом Устюжского края, юродивом Иоанне, рассказывается о его уходе в город Устюг по воде, «яко по суху», поскольку местные жители выгнали его из основанной им Пуховской пустыни: «И он переселился в Пуховское поле — часовенка теперь стоит. И сделал себе такой, ну вообще чтоб не под открытым небом быть. И выкопал колодчик себе тут. И молился день и ночь. И тут ему не давали покою соседи: „Уходи, чтоб тебя духу не было тут“. И он пошел и сказал им: „Чтоб вам разживы не будет, и ваш род и ваша деревня истребятся“. И пошел он в город Устюг. *Прошел он по воде как по суху.* И юродствовал тут в городе, молясь и спасая людей».¹³⁷

Рассказ о хождении по воде святого Иакова Ростовского, основанный на устных преданиях о святом, существовавших в Волжском регионе, приводится в «Летописи» города Ростова 80-х гг. XIX в. крестьянина-краеведа А. Я. Артынова. Однажды ночью во время половодья реки Ухтомы в келью Иакова пришли два монаха и от имени больного настоятеля послали его в церковь на другом берегу реки за елеем от иконы Богородицы; не подозревая злого умысла, Иаков поспешил выполнить наложенное на него послушание и «как по суху» перешел реку и благополучно возвратился в обитель.¹³⁸

В предании о севернорусском святом Прокопии Праведном (в данном случае имеется в виду либо Прокопий Устюжский, либо Прокопий Устьянский) также рассказывается о способности святого ходить по воде, что служит доказательством его праведности: «...А вот какой Прокопий Праведной. Он жил с детьми, сказал: „Я пойду в церкву сейчас“. Пошел в церкву *через реку, и ноги не обмочил, и в лодке не ехал.* А ушел в церкву, да что-то сказал, что-то погрешил — все люди рассказывали. И пошел обратно — *брел до колена в воде*».¹³⁹ В северном повествовании «Еджыд вöв», записанном в 1992 г. в с. Пысса Удорского района Республики Коми, говорится о местночтимом христианском святом Онике. Согласно преданию, «у святого Оники был белый конь, который в силу безгрешности святого мог перейти реку Мезень, *не замочив бабок.* Грехи сеятелей грузом ложатся на коня, и обратно он переходит, *погружаясь в воду*».¹⁴⁰ В этих преданиях отразилось народнохристианское представление о реальной тяжести человеческих грехов: праведники не тонут, отягощенных грехами вода не держит. Так, например, в широко известном в древнерусской книжности апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» приводится описание ада и огненной реки, в которой находятся грешники, погруженные в нее за разные по тяжести прегрешения либо по пояс, либо по грудь, либо по шею.¹⁴¹

¹³⁷ ФА СыктГУ. Великоустюгский район Вологодской области (1105-2).

¹³⁸ «Летопись» Ростова А. Я. Артынова (РНБ, собр. Титова, № 3439).

¹³⁹ ФА СыктГУ. Троицко-Печорский район Республики Коми (0514-52).

¹⁴⁰ Сотворение мира: Мифология народа коми / Сост. П. Ф. Лимеров. Сыктывкар, 2005. С. 557.

¹⁴¹ Хождение Богородицы по мукам / Подгот. текста, пер., коммент. М. В. Рождественской // БЛДР. Т. 3: XI—XII века. СПб., 1991. С. 308, 310. См. также слово 55 из Синайского патерика о монахе, находящемся на том свете в аду, за свои прегрешения погруженном по шею в огненную реку. Синайский патерик / Подгот. текста, пер., коммент. В. В. Колесова // БЛДР. Т. 2. С. 312.

Примечательно, что в житиях раннехристианских подвижников встречается сходная деталь — упоминание о том, как святые отцы беспрепятственно ходят воде, всего лишь «замочив пяты». Этот мотив есть в Житии Стефана Савваита, написанном его учеником Леонтием в начале IX в.: старец, живший в Четыредесятницу на берегу Мертвого моря, ходил по морю, «замочив лишь пятки».¹⁴² Подобный мотив содержится и в памяти преп. чудотворца Виссариона из Египта. В ней пишется, что, сотворив молитву, старец перешел пешком реку и так отвечал на вопрос ученика: «до глезу своєю чюях нозѣ, а прочее крѣпко».¹⁴³

О чудесном переходе через реку рассказывается в «Слове о Пафнотии мниѣ и о добродѣтели старѣйшины села, о немже ему Богъ повѣда».¹⁴⁴ Его источником, как выясняется, следует считать новеллу из Египетского патерика «О черноризцѣ Пафнотѣ». В ее основу положен широко распространенный в раннехристианской литературе сюжет о «взыскании» иноком-отшельником самых добродетельных из числа святых («И по многих трудѣх моляше Бога: „кыхъ святыхъ подобень есмь”»); однако божественный глас отправляет отшельника на поиски благочестивых мирян.¹⁴⁵ Новеллы из патерика в рукописной традиции бытовали и как отдельные произведения, однако в патериковой новелле отсутствует фрагмент, читающийся в списке XVIII в., о переправе черноризца Пафнотия и праведного старейшины через реку без корабля, погрузившись в воду по пояс: «Онъ же, яко слыша се, абие ни к своимъ ся возвѣсти, и поиде вслѣд Пафнотия. И пришедшема има к рѣцѣ, и никаковаже корабля видѣста. И повѣле ему Пафнотий преити рѣку, еяже никтоже в тѣхъ мѣстѣхъ проходаше глубины ради. Преходящима же има рѣку, и *водѣ има точию до пояса бывши»*.¹⁴⁶

Идея физической, материальной, тяжести греха отражена в сюжете «задержка кораблей на море из-за находящегося на судне грешника». На этом сюжете построены многие произведения мировой литературы и фольклора. Главная идея подобных произведений сводится к следующему: «море не терпит на себе ни мертвого тела, ни грешника, ни преступника, ни безбожника, обыкновенно корабль останавливается, либо его настигает буря, пока грешник не покается, проступившийся, узнанный по жребию или по собственному признанию, не будет свергнут в море».¹⁴⁷

Обширный перечень произведений с этим сюжетом приводит А. Н. Веселовский. Он называет английскую балладу, в которой матросы кидают за борт капитана-убийцу; рассказ из произведения Цезаря Гейстарбахско-

¹⁴² Эпизоды изложены в работе: *Лопарев Х. М.* Греческие жития святых VIII и IX веков. Ч. I: Современные жития. Пг., 1914. С. 397.

¹⁴³ Скитский патерик (РНБ, Соловецкое собр., № 647/705, XV в., л. 242).

¹⁴⁴ Сборник житийно-учительный. XVIII в., 50-е гг. (ГИМ, Музейское собр., № 561, л. 153 об.—155 — «Месяца марта въ 9 день. Слово о Пафнотии мниѣ и о добродѣтели старѣйшины села, о немже ему Богъ повѣда»).

¹⁴⁵ Египетский патерик / Подгот. текста, пер., коммент. С. А. Давыдовой // БЛДР. Т. 2. С. 308—310. Текст Египетского патерика опубликован по рукописи XV в. (РНБ, Соловецкое собр., № 635/693). Подобная завязка сюжета характерна в целом для отшельнической литературы, см., например, Житие Антония Великого. Житие Макария Египетского и др.

¹⁴⁶ ГИМ, Музейское собр., № 561, л. 155.

¹⁴⁷ *Веселовский А. И.* Былина о Садке // ЖМНП. СПб., 1886. С. 269—270.

го о застигнутых бурей во время плавания к святой земле паломниках: они спасаются только после публичного покаяния одного из них, отягченного страшными грехами; приводит обычай шотландских моряков: «в случае напасти на море бросать жребий, чтобы таким образом узнать, кто навлек ее, и осудить на смерть того, на кого жребий выпал»; говорит о героине шотландской баллады *Benie Annie*, которая, обобрав своих родителей и убежав на корабле с капитаном, затем брошена в море по воле жребия, поскольку, «пока она находилась на судне, им нельзя было управить»; та же участь постигает героя другой шотландской баллады *Brown Robyn* за грехи, в которых он всенародно кается: «по его просьбе его привязали к доске и спустили в море, но является Богородица и в награду за его покаяние берет его с собою на небо».¹⁴⁸ Как считает А. Н. Веселовский, «ту же тему развивают датские, шведские и норвежские песни: корабль некоего Петра останавливается в море; бросают жребий, и он падает на Петра, который и кается в своих злодеяниях: он грабил и жег церкви и монастыри, убивал и насильничал».¹⁴⁹ Исследователь цитирует малорусскую думу «О буре на черном море», в которой с самообличением во время бури выступает перед плывущими на корабле казаками Алеша Попович и велит бросить себя в море, поскольку буря началась из-за его грехов. Как только Алеша Попович стал исповедываться, буря стала утихать — и казаки добрались до острова.¹⁵⁰ В других вариантах думы Алеша Попович заменяется двумя братьями, тонущими в море после того, как разбилось их судно, и взаимно исповедающими свои грехи.¹⁵¹ В числе литературных параллелей А. Н. Веселовский называет средневековую легенду, помещенную в русском Прологе на 19 марта: в ней повествуется о том, как корабль не может двинуться с места в море пять дней, поскольку его держат грехи плывущей на нем некоей нечестивой Марии; как только она сходит с корабля в лодку, та, пять раз перевернувшись, стремительно идет ко дну и тонет, а корабль начинает быстро плыть.¹⁵² Нетрудно заметить, что источником этого произведения является слово 98-е из Синайского патерика.¹⁵³

Подобные представления отражены и в эпическом жанре. А. Н. Веселовский, изучая былины о Садко, пришел к выводу, что в некоторых вариантах данной былины описывается сходный сюжет: корабли Садко стоят во время бури на море и «нейдут с места»; Садко выпадает жребий быть принесенным в жертву царю подводного мира; после того как Садко на дощечке погружается на дно, корабли мгновенно трогаются с места.¹⁵⁴

¹⁴⁸ Там же. С. 272.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же. С. 272—273.

¹⁵¹ Там же. С. 273, сн. 1.

¹⁵² Там же. С. 270—271.

¹⁵³ Синайский патерик / Подгот. текста, пер., коммент. В. В. Колесова // БЛДР. Т. 2. С. 312—314. Текст Синайского патерика опубликован по рукописи XI в. (ГИМ, Синодальное собр., № 551). См. также: Синайский патерик / Изд. подгот. В. С. Голышенко. В. Ф. Дубровина. М., 1967. С. 133—136.

¹⁵⁴ Новгородские былины. Былина № 27 «О Садке». С. 153—154. А. Н. Веселовский приводит схожий с былиной о Садко сюжет из французского романа Трессана (*Tristan le Léonais*), героем которого выступает племянник Иосифа Аримафейского Садок (*Веселовский А. Н. Былина о Садке. С. 282—283*). Однако почти все эти параллели «могут быть при-

Связь с некоторыми мотивами былины о Садко отмечается и в Житии Исидора Твердислова, в частности, в описании избавления от неминуемой смерти на море во время бури некоего купца из Ростова, ср.: «Случися убо нѣкоему купцу града Ростова, в немже святыи жилище имяше, по морю плавающу, куплю творити. Пловущим же им в корабли, и внезапно кораблю ставшу и волнами разбивающуся. И уже всѣмъ смерти ожидающим. Умыслиша же корабленницы, яко да мѣшуть жребия, кого ради корабль ста. И паде жребий на оного купца. И всадиша его на доску и вѣргоша его морѣ. Кораблю же скоро со оного мѣста пошедшу и яко ничтоже зло пострадавшу. благовременно текущу. Человѣку же оному утопающе и волнами в мори носиму, и жития своего отчаявшуся, и ни от кого же помощи не надѣющуся. И се внезапно предста ему блаженный Исидоръ, по морю, яко по суху, ходя. <...> Святыи же изыять его от глубины морския и посадивъ его на дсѣ и скоро по морю вослѣдъ корабля гнаше. И впаде того в корабль цѣла, невреждена ничимже».¹⁵⁵

В качестве возможного источника сюжета «задержки кораблей», как правило, называют библейского пророка Иону, который по жребию велит себя бросить в воду, считая, что из-за него все могут утонуть во время бури (Ион.: 1).¹⁵⁶

Герои преданий помимо способности перемещаться по поверхности воды наделены магической силой *ходить под водой*.

В одном из исторических преданий идет по дну реки Степан Разин («И спустился человек в воду, шляпа накрыла его голову, и пошел он опять по дну Волги, как пешком по земле»).¹⁵⁷ О способности ходить под водой говорится в предании коми «Сорок мучеников», связанном с христианизацией Пермского края: два местных колдуна-предводителя — Князь (в его образе исследователи узнают черты Пама-сотника) и Корт-Айка навещали друг друга «не по земле, а *под водой*».¹⁵⁸

В устных нарративах, героями которых являются святые, они участвуют в языческих испытаниях — в хождении под водой — только для доказательства превосходства христианской веры.

знаны только типологическими, т. е. не имеющими прямой связи с былинной „Садко“. Они возникали независимо от былины и не оказывали на ее создателей сколько-нибудь ощутимого влияния в ходе сложения текстов» (Новгородские былины. С. 395).

¹⁵⁵ Житие Исидора Твердислова. Ростовский патерик (РНБ, собр. Титова, № 43, XVIII в., 60-е гг., л. 272 об.—273). См. об Исидоре Твердислове в Похвальном слове всем российским чудотворцам Симеона Денисова: «Въсте Исидора, Ростовское украшение, быстролѣтающаго орла, пролѣтающаго внезапно Росийския страны и по морю ступающа, яко по суху, да избавитъ утопающаго от смерти!» (Служба всем святым российским чудотворцам. Суздальская типография. 1786. л. 62 (БАН. Осн. ф., № 377). См.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 270—271; Веселовский А. Н. Былина о Садке. С. 275—276; Куган М. Д. Житие Исидора Твердислова // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 283—284. Отмечается также сходство некоторых сюжетных элементов былины «Садко богатый гость» и Жития Антония Римлянина (Топоров В. П. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 2: Три века христианства на Руси (XII—XIV вв.). М., 1998. С. 25—26; Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / Подгот. текстов, исследов. Н. В. Рамазановой. СПб., 2005. С. 361—371).

¹⁵⁶ См.: Веселовский А. Н. Былина о Садке. С. 271.

¹⁵⁷ Народная проза. № 85 «Шляпа на воде». С. 121.

¹⁵⁸ Сотворение мира. № 133 «Сорок мучеников». С. 172: 571—572 (коммент.).

Для доказательства язычникам силы христианской веры переходит широко реку Устюг по дну святой Прокопий Устюжский: «Прокопий был, как сказать, мужик, странник. Ходит Прокопий, и он людям показывает... как люди по законам Божиим. Но они, вавилоняне, в Бога-то не веруют. Он говорит: „Без Бога не можете жить“. Они говорят: „Покажите нам какие-нибудь чудеса“. Вот вы Устюг знаете? Вот пятьдесят тысяч человек собирался (*sic!*) туда. А Прокопий говорит: „Я вам покажу, и посмотрим, Бог есть или нет. Устюг. Какая большая река. Я велю пешком“. — „Если ты нам покажешь, то мы будем верить в Бога“. Вот Прокопий взял и пошел через Устюг, *вот по этому дну*, сейчас священники ходят с иконой. *Туда пошел Устюг и обратно пришел*. И тогда стали верить в Бога». ¹⁵⁹ О преимуществе христианской веры рассказывает предание о состязании Стефана Пермского и местного колдуна Паляйки: оба должны пройти по дну реки. Примечательно, что в Житии Стефана Пермского святой Стефан и волхв Пам готовятся пройти схожее испытание водой: нырнуть в одну прорубь на покрытой льдом реке, а затем, преодолев некоторое расстояние по дну реки, выйти из второй проруби; однако само состязание не состоялось, так как Пам трижды отказался от него. ¹⁶⁰ «Испытание водой» происходит в устном предании: Стефан Пермский идет по воде, «как по ровной земле», в то время как местный колдун и чародей Паляйка может перемещаться только под водой («Паляйка нырнул в реку Вычегду и *идет под водой*, а Степан *идет по поверхности воды за ним, как по ровной земле*»). ¹⁶¹

Мотив «хождение святого по воде, „яко по суху“», зафиксированный в раннехристианских преданиях и письменных агнографических памятниках, имеющий широкое распространение в устной и письменной древнерусской традиции, несомненно, находится в одном ряду с другими мотивами, проявляющими чудесные способности святого. Святые, подобно Иисусу Христу, имеют власть над природными стихиями. Как например Иисус Навин, который во время битвы евреев с царями Аморрейскими остановил солнце и луну, пока его народ мстил своим врагам (Иис. Нав. 4: 19), или преп. Виссарион, превративший морскую воду в питьевую и остано-

¹⁵⁹ ФА СыктГУ. Троицко-Печорский район Республики Коми (0514-52).

¹⁶⁰ См.: Святитель Стефан Пермский: К 600-летию со дня преставления / Под ред. Г. М. Прохорова. СПб., 1995. С. 150. Текст Жития издан Т. Ф. Волковой и О. Б. Рыбаковой по списку 90-х гг. XV в. из собр. П. П. Вяземского, № 10 (РНБ).

¹⁶¹ Национальный архив Республики Коми, ф. 1, оп. 12, л. 124--125. Текст записан П. Г. Дорониным с пересказа М. Козлова в 1929 г., д. Тунас-Керос Усть-Вымского района Республики Коми. См.: История Пермской епархии... С. 107--108. Согласно тексту предания, Стефан Пермский обладает большей магической силой, чем колдун Паляйка: «Видит Степан, что Паляйка силен в своих чародействах, и решил наказать и осрамить его. Пока Паляйка, ничего не подозревая, спокойно плыл под водой. Степан в это время произнес более сильное заклятие. Это сразу ослабляюще действовало на силы тылдорского туна. Паляйка стал задыхаться под водой и вынырнул из-под воды, чтобы произнести повторное заклятие над водой, но Степан своим крестом ударил его по голове и сказал: „Рано вынырнул, до места еще далеко“. Чтобы не осрамиться перед народом и точно выполнить уговор, Паляйка снова нырнул под воду, но, проплыв немного, опять стал задыхаться и опять вынырнул на поверхность воды. А Степан тут как тут: опять его крестом по голове и предупредил, что рано еще вылезать из воды. Так продолжалось и дальше. Со всем усгал Паляйка, не дошел до условленного места около одной версты, стал захлебываться, тонуть и просить о помощи...» (Там же. С. 108).

вивший ход солнца, пока не дошел к некоему старцу;¹⁶² и др. Они могут парить над землей, как например явившийся в одном из посмертных чудес святой Прокопий Устьянский, который, подобно Григорию Омиритскому, предстал в видении «стоявшим на воздухе».¹⁶³ Святые мгновенно переносятся на большие расстояния: Иоанн Новгородский за одну ночь попадает на бесе в Иерусалим;¹⁶⁴ ростовский епископ Исайя за одну ночь в лодке перемещается из Ростова в Киево-Печерскую лавру и обратно;¹⁶⁵ изгнанный с княжеского пира Исидор Твердислов вдруг оказывается в Киеве и мгновенно возвращается назад;¹⁶⁶ и др. Подвижники силой своей молитвы и крестного знамения превращают бурю в тишину, а волны — в штиль. Они ходят по воде и под водой. Однако если мотив «хождение святого по воде» / «хождение святого под водой» в письменных и устных текстах используется для доказательства святости и праведности героя, то в устных преданиях, как правило, отмечается его сверхъестественная, магическая сила.

Мотив «плавание святого», встречающийся в агнографических текстах в структуре композиционного эпизода «выбор места для основания монастыря или храма», восходит к устным преданиям об освоении края — об основании селений, городов (позднее — культовых объектов) с помощью жребия, в качестве которого изначально выступали строевой лес / плот / лодка.

Бытование данного мотива в устной и письменной традициях показывает активное освоение народной памятью исторического прошлого, осмысление культурного наследия, трансформацию привычных типологических и архетипических схем, что в первую очередь обусловлено проникновением христианской образности в устные предания. Сложно определить степень влияния одной традиции на другую, поскольку в течение многовекового сосуществования устной и письменной традиций, отражающих почитание христианских святых и святынь, происходило их несомненное взаимодействие.

С течением времени в процессе монастырской колонизации территорий героями преданий становятся святые — основатели монастырей и храмов, чудесным образом плывущие против течения в лодке, на плоту, на камне. Подобные предания сближаются с устными нарративами о первооселенцах края.¹⁶⁷ Не случайно поэтому появление в ряде подобных

¹⁶² Ковалевский И. А. Юродство о Христе и Христа ради юродивые... С. 92—93, сн. 3.

¹⁶³ Сказание о явлении мощей и чудеса праведного Прокопия, Устьянского чудотворца (Гос. архив Вологодской обл., ф. 883, оп. 1, Д.162. XIX в., л. 440 об.). Текст памятника опубликован Р. П. Билянчуком в изд.: Глагол времени: Исследования и материалы: Статьи и сообщения межрегиональной науч. конф. «Прокопиевские чтения». Вологда, 2005. С. 241—255.

¹⁶⁴ Житие Иоанна Новгородского. Основная редакция (РГБ, собр. Румянцева, ф. 256, № 154, л. 135 об.— 136 об.).

¹⁶⁵ Житие Исайи Ростовского (РНБ, собр. Титова, № 43, л. 31—31 об., 32 об.). Этот факт приводится также в «Летописи об архиереях ростовских» (Там же, л. 614 об.— 615).

¹⁶⁶ Житие Исидора Твердислова (РНБ, собр. Титова, № 43, л. 274 об.).

¹⁶⁷ В роли первооселенцев на Русском Севере выступали выходцы из Новгорода. Более подробно см. об этом: Рыжова Е. А. Новгородская тема в севернорусской агнографии // Народная культура Европейского Севера России: Региональные аспекты изучения: Сб. науч. трудов. Сыктывкар, 2006. С. 150—180.

преданий сюжетного мотива противодействия святому со стороны местного населения (он встречается и в преданиях о противодействии аборигенов края колонизаторам), который зачастую отражает реальные исторические факты. Однако если в устной традиции плывущие в лодке / на плоту / на камне подвижники рассматриваются, как правило, как основатели селений и значительно реже их действия связываются с созданием храмов, то в агиографических сочинениях их роль практически неизменна: они предстают основателями монастырей и храмов.

Продуктивной моделью для житий, агиографических повестей и сказаний об основании монастырей и храмов оказались предания о явленных иконах: икона, обладая особым сакральным статусом в христианской обрядовой культуре, заменила в преданиях на более поздней стадии строевой лес / плот / лодку. Но в данном случае необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство: явленная икона оказывалась главной чудотворной святыней основанного на месте ее остановки храма или монастыря. По нашим наблюдениям, в той же роли могут выступать гораздо реже встречающиеся в устных преданиях и другие сакральные предметы — чудотворные кресты, плывущие против течения. Равнозначными для народного христианского сознания наряду с преданиями о явленных иконах и крестах являются иногда отраженные в письменной традиции предания о явленных чудотворных мощах неизвестных безымянных святых, чудесным образом приплывающих в лодке / на плоту / на льдине против течения к месту будущего храма или монастыря.